

ЛЕВ ПУЧКОВ

ПРОФЕССИЯ —
КИЛЛЕР

Лев Пучков
Профессия – киллер
Серия «Киллер», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119822
Профессия – киллер: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-01799-2*

Аннотация

Уйдя из армии, офицер спецназа работает в коммерческой фирме. Убив в угоду своему шефу конкурента, он становится объектом пристального внимания могущественной организации, которая делает на него ставку. Спецназовец попадает в сверхсекретную школу, где готовят профессиональных убийц.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	43
ГЛАВА 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лев Пучков

Профессия – киллер

ГЛАВА 1

Он стоял в кустах, что росли левее валуна, мимо которого две минуты назад прошли мои пацаны, никого и ничего не обнаружив.

Я всегда в таких случаях больше доверяю автоматизмам – таламусу, потому что по опыту знаю: та часть серого вещества, которая отвечает за анализ, в какой бы распрекрасной голове она ни находилась, прежде чем начать прилежно функционировать, некоторое время валяет дурака. И хотя это длится всего пару секунд, от них порой зависит, останешься ты жить или нет.

Вот и сейчас в сознании лихорадочно запрыгали три совершенно никчемных вопроса: откуда он взялся? Как далеко ушли пацаны? Что делать?

Нельзя сказать, что я растерялся. Меня не напугало это. Но ситуация осложнялась тем, что накануне я вывозил свой автомат в песке и теперь отсоединил магазин, снял крышку ствольной коробки, вытащил пружину, затвор, аккуратно разложил все это на броне и преспокойно чистил, свесив ноги в люк...

БТР находился в трех километрах от села, где мы «проводили операцию». Так это называлось. На самом же деле всю ночь тряслись от холода в кустах, а под утро прищучили-таки четверых гоблинов, которые приперли в село ящик мин ПОМЗ-2М и 12 автоматов.

Мы взяли их без труда. Они несколько часов тащились из долины вверх по горной тропе и шатались от усталости, когда мои парни, злые как черти после бессонной холодной ночи, выпрыгнули из-за кустов и просто-напросто отобрали у этих вояк их мьюнишн, на всякий случай надавав тумачков. Те даже не пикнули. Стало ясно, что это не профессиональные гоблины: слишком они были молоды, испуганы и на удивление легко сдались.

Ах да! Гоблины – это боевики. Мы их так зовем. Помните Диснея? Представьте себе безобразное существо, заросшее до глаз густой бородой, с огромными носом и ушами, переполненное злобой против человечества и страшное в своем тупом упорстве при достижении цели. Оно может стрелять в женщин и стариков, ставить мины под двери детского садика и на глазах обезумевших от ужаса людей под стволом автомата насиловать несовершеннолетних девчонок. Это гоблины. Они есть и с той, и с другой стороны. Я ненавижу их самой лютой ненавистью. Я буду уничтожать их, пока имею такую возможность. Потому что это нелюди. Спросите любого солдата, прошедшего Кавказ. Я не утрирую.

«Оккупанты», как еще совсем недавно называли наших солдат средства массовой информации у нас и за рубежом, получают за боевой день 30 000 рублей (20 000 – в районе боевых действий, 10 000 – по месту дислокации). Это контрактники. А военнослужащие по призыву получают 40 000 в месяц. Банка пива в районе боевых действий стоит в среднем 10 000 рублей, примерно столько же – пачка нормальных сигарет.

Чеченский боевик за день войны получает до двух тысяч баксов. Плюс за каждого «подтвержденного» убитого солдата две тысячи баксов и пять тысяч баксов за убитого офицера. Цена за голову спецназовца постоянно колеблется. Но тоже немало.

Пусть на совести некоторых миротворцев-правозащитников останутся громогласные заявления, что против России воюет гордый чеченский народ, а не боевики-рецидивисты, которым до одного места, кого убивать, лишь бы бабки платили. Наши парни не гордые, поэтому получают тридцать штук в день, а чеченский народ – он гордый, потому-то и платят каждому его представителю с автоматом по две тысячи баксов.

Четверых гоблинов, захваченных нами, утром забрала вертушка вместе с начальником разведки ВОГ. Он формально руководил операцией. Полетел рапортовать. А мы возвращались вниз на коробочке, и я, дурак, разрешил остановку здесь: пацаны попросили спуститься с дороги метров на четыреста к персиковому саду.

Они, разумеется, проверили все вокруг, прежде чем удалиться от машины. Более того, с противоположного борта на бугре находилось боевое охранение – сержант и рядовой. Оба они изучали свои сектора наблюдения, повернувшись к БТРу спиной. Чего туда смотреть? Там сам командир.

Все было тактически правильно – в одну сторону ушли бойцы, по пути прочесав местность, с другой стороны стоял дозор, который обзирал окрестности самое малое на полторы тысячи метров... Гоблина наблюдатели видеть не могли. Он находился в мертвой зоне: от них его скрывал БТР.

Гоблин держал на правом плече РПГ-7ВМ, направленный в меня, и улыбался. Его левая рука была отведена в сторону открытой ладонью вверх.

Рядом с ним стоял на коленях еще один такой же. Я его сначала не заметил в кустах. Он прикручивал пенал порохового заряда к кумулятивной гранате. Делал это очень сноровисто и на тот момент, когда я его увидел, практически закончил свою работу.

Гоблины находились метрах в двадцати от БТРа. Не возникло ни малейшей надежды, что гранатометчик промажет. Уверенность была просто написана на его заросшей до глаз харе. В моем распоряжении имелось от силы пять секунд. Столько времени ему понадобится, чтобы вставить снаряд в ствол и тщательно прицелился, хотя вряд ли была необходимость целиться с такого расстояния. Я бы, например, с его позиции человеку, находящемуся на броне, смог попасть гранатой в голову. А уж шлепнуть в борт...

Автоматизмы сразу рванули мышцы тренированного тела. Кувыркнувшись с БТРа, откатиться в придорожную канаву и дурным голосом заорать: «К бою!..»

Но дозорные стояли на расстоянии что-то около ста метров. Они в любом случае не успевали. И еще – самое главное – в БТРе оставались двое парней. На матрасе возле моторов спал корреспондент окружной газеты, который увязался с нами на операцию. И водила – он тоже, как только остановились, отрубился на своем месте. После попадания гранаты в борт эти парни уже не проснутся никогда.

У меня на ноге висел НРС – и все. Лифчик с экипировкой я снял, и он теперь лежал внизу, возле водилы – далекий и бесполезный.

Пока я оценивал обстановку, второй номер подал выстрел гранатометчику, который тут же вставил его в трубу. И прицелился.

ВСЕ.

С того момента, как я их заметил, до момента прицеливания прошло не более трех секунд...

Такую ситуацию трудно охарактеризовать, даже используя полный набор наиболее эмоциональных и острых выражений. Это просто беда. Иначе не скажешь. Беда, потому что опытный боевой офицер, который мог бы одной очередью из автомата завалить гранатометный расчет, неожиданно возникший в двух десятках метров от него, как несмышленный новобранец, беспечно разобрал свой автомат, и гоблины это видели. А еще этот боевой офицер снял разгрузку и бросил ее в люк, отпустил наводчика вместе с другими за персиками... В общем, сделал столько ошибок, что гоблины могли бы, прежде чем убить, вынести благодарность.

До того мне стало обидно, аж выть захотелось! В ста метрах пост наблюдения, по другую сторону в трехстах метрах – целое отделение до зубов вооруженных ловких парней, в метре – кнопки электроспуска двух танковых пулеметов, которые заряжены и смотрят в сторону гоблинов. Однако вот не дотянуться до тех кнопок.

– Давай слезай. Только молчи и не делай резких движений, – тихо и очень отчетливо, почти без акцента приказал гранатометчик.

Второй коротко мотнул слева направо стволом автомата, который он поднял с земли и направил на меня после того, как передал выстрел первому номеру.

– У тебя там внутри кто-то есть и он спит, – произнес гранатометчик, продолжая смотреть в окуляр прицела. – Иначе ты давно бы уже спрыгнул в канаву и дал сигнал своим.

Догадливый встретился гоблин. Прозорливый. Я уже стоял внизу и изучал врага. Два автомата, в разгрузках что-то топорщится, наверно, гранаты. У обоих на правом бедре тесаки плюс один гранатомет и три отдельных выстрела ПГ-7ВМ. Четвертый, снаряженный, в данный момент смотрел в борт коробочки.

Соображалка лихорадочно работала. Если сразу не долбанули, значит, хотят взять себе БТР с боекомплектом и, возможно, прихватить двух заложников. Очень нагло и беспрепятственно – в буквальном смысле увести из-под носа у спецназа боевую технику. Мне останется только застрелиться от позора, хотя, возможно, гоблины раньше помогут мне расстаться с жизнью. Для них хороший спец – мертвый спец. Адекватное, впрочем, отношение и с нашей стороны...

– Повернись мордой к броне, – так же тихо и отчетливо скомандовал гоблин с РПГ, и я выполнил распоряжение.

У них может получиться. Элементарно. Стоит только забраться в БТР и закрыть люки. Водила спит без задних ног: один удар ножом в шею, и – привет. Корреспондент – не боец. Он нормальный парень, бывалый и обстрелянный, но не сумеет правильно себя повести, когда проснется от шума двигателей и обнаружит, что на него направлен ствол. Если вообще проснется. Это ведь гоблины, им все равно.

И потом, они могут быть уверены, что никто из моих парней не выстрелит по броне из гранатомета, зная, что там, внутри, находятся заложники. Если есть хоть один шанс из тысячи спасти человека, мы не будем им пренебрегать. Гоблины это знают.

Остаюсь я. Учитывая тот факт, что гоблины опытные, думаю, они прекрасно понимают: в качестве заложника я очень неудобен. Более того, если они подойдут близко, я просто не дам им забраться на броню. Выходит, они будут меня убирать по возможности без шума.

– Сделай шаг назад, – попросил первый.

Он именно просил – тихо, без эмоций, – и это было очень плохо: значит, он очень опытный. Наверно, убил немало людей и сотворил массу пакостей, так что эта акция для него – дело плевое. Голос не вибрирует. Не нервничает он, хотя ситуация еще та... Руки у него не дрожат, и он точно целится. И, не колеблясь, нажмет на спусковой крючок, если ошибусь.

Я отступил назад, как просили.

– А ты пар упры руки на калысо и широко раздвиль ноги, – подал голос второй, более нетерпеливый.

Я тут же выполнил и это. Хорошо. Прекрасно! Он должен будет подойти ко мне для того, чтобы сунуть нож под лопатку или стукнуть по кумполу.

Они правильно сделали: обыкновенный человек, стоя с широко разведенными ногами, под углом в 45 градусов к земле, когда вся тяжесть тела переносится на согнутые руки, не сможет даже быстро выпрямиться, а не то что оказать активное сопротивление. Но я не обыкновенный.

Судя по голосу, у второго поигрывают вазомоторы – в отличие от первого. Похоже, он немного скован и комплексует. Это также значит, что он не шибко хорош в ближнем бою и я даже из такого положения успею убить его, как только он замахнется для удара. Ладно. Гранатометчик будет в замешательстве, наверно, не больше одной секунды. Его брат-гоблин окажется в этот момент у брони и обязательно пострадает при выстреле, если что. Мне хва-

тит этой секунды, чтобы перехватить автомат второго номера, а с двадцати пяти метров по ростовой я не промажу даже из-под колена. Ладно!

– Подожди, – неожиданно вмешался первый и что-то сказал нетерпеливому гоблину на своем языке.

Одно слово я понял – «спецназ». И уловил недовольство в его голосе. Это он напомнил второму, что я спецназовец и просто так ко мне подходить опасно.

– Сядь и сделай шпагат, – попросил он.

Я обернулся и хотел возразить, что так сесть не смогу, но гоблин не позволил мне открыть рот. Он угрожающе качнул гранатометом.

– Сядь, сядь. Я же видел, как ты слезал с БТРа. Ты можешь. Не бойся, мы тебя убивать не будем, только наручники наденем. Ты нам нужен...

Так я и поверил. Нужен я вам, как голой заднице ежик. Однако делать нечего: сел на землю, сделал шпагат и опять уперся руками в колесо. Вот теперь уже неладно. Сопротивляться действительно сложновато: для того чтобы свести ноги, придется отталкиваться от колеса, прогибаться и упираться руками в землю. Это долго.

Опытный гоблин что-то тихо сказал своему помощнику. Я понял, что он отправил его ко мне. Благодаря обострившемуся от напряжения слуху я уловил короткий скрежещущий звук: второй достал нож. Так же звучит извлекаемый из ножен НРС.

Пока он подходит, есть несколько секунд, чтобы сообразить. Так-так... Нож на правом бедре, чуть выше колена. Значит, правша. Будет бить правой, а левой держать автомат... Или нет? То, что нож на правом бедре, еще ничего не значит. Так как же?! Да, правша. Точно, правша! Гранату держал левой рукой, а прикручивал пороховой заряд правой. Потом поднял автомат с земли – тоже правой и наставил автомат на меня, положив указательный палец правой руки на спусковой крючок... Есть.

Будь ты даже горой стальных мышц с отличной реакцией и хорошо срабатываемыми автоматами – грош тебе цена, если в считанные секунды не успел прокачать все параметры противника до того, как вступил с ним в контакт.

Он подошел и на миг замер, оценивая, представляю я опасность или нет. Я уже успел три раза прогнать ситуацию и более оптимального варианта, чем тот, что высветился сразу, не обнаружил. Ну!!!

Он ударил на выдохе, хекнув, как это делают сельские забойщики свиней.

Я сместил корпус вправо, насколько позволяла растяжка, и одновременно поднял левую руку.

Рука с ножом нырнула вперед, завязнув локтевым сгибом у меня под мышкой.

Все. Он уже был мой. Не вставая со шпагата, я сломал ему руку. Почти одновременно подтянул его голову впритык к колесу и свернул ему шею.

И тут с ужасом обнаружил, что его автомат от рывка упал и съехал по гальке в канаву. Мне стало страшно: не успеваю!

Сколько действий, думаете, можно произвести за две секунды? Отвечаю: много. За эти две секунды я успел высвободиться из-под вздрагивающего, но уже мертвого гоблина, сомкнуть ноги, дотянуться до тяжелого кинжала с железным набалдашником на рукоятке, удобно перехватить его, обернуться – и услышать щелчок бойка...

Выстрел из РПГ здорово отличается от выстрела из автомата. Так, если в тебя стрельнули из автомата и не попали, ты сначала наблюдаешь вспышку, а потом слышишь выстрел. Это если достаточно далеко. При стрельбе из РПГ между щелчком бойка и непосредственно выстрелом проходит что-то около двух десятых секунды.

Мне удалось за это время прыгнуть вперед, в сторону живого гоблина, и метнуть в него нож. Я не Тарзан, чтобы с двадцати метров нанести ножом смертельный удар, но интуитивно выбранный способ решения задачи оказался верным.

Уловив периферийным зрением, что в него что-то летит, гоблин чисто рефлексивно дернулся назад. Буквально чуть-чуть! Но этого хватило. Вместе с гоблином на пару сантиметров сместился гранатомет и рванувшаяся в этот момент из ствола граната...

Я всегда очень уважительно относился к секундам, мгновениям, мигам. В обычном течении жизни о них забываешь. Время измеряется в минутах, десятках минут – в часах. Рабочий день – в часах, сутки – в часах. Никто не скажет, договариваясь о деловом или интимном свидании: встретимся у фонтана в тысячу семьсот тридцать шесть секунд пополудни.

Помните кино про Штирлица: «Не думай о секундах свысока...»? Я солидарен. Секунды, миги, мгновения – это другое измерение, другой уровень существования. Меняется скорость биохимических реакций в организме, исчезает возможность спокойно проанализировать обстановку, поскольку на этом уровне само время как таковое будто исчезает.

В этом измерении – война. Часть войны – ожидание: утомительные марши, засады, долгий и мучительный плен госпитальной койки. Другая часть – схватка, ближний бой с физическим контактом, когда все, буквально все пропадает куда-то и остается только – кто кого.

Гоблин, несмотря на свой большой боевой опыт, использовал этот миг почему-то так, как среагировал бы на его месте любой нормальный человек: зажмурился, присел и прикрылся гранатометом. Мало ли чего! При взрыве противотанковой гранаты, даже если она кумулятивная, бывают неприятные сюрпризы, когда цель находится слишком близко. Типа куска раскаленного железа, летящего с бешеной скоростью в обратном направлении. Видимо, гоблин это хорошо знал, а потому потратил миг, чтобы позаботиться о своей жизни.

Этого мига мне хватило, чтобы, зажав уши, покрыть в десяток прыжков разделявшее нас пространство. Когда он открыл глаза и увидел меня перед собой на расстоянии трех метров, было уже поздно переводить автомат из-за спины: для этого требовалась еще треть мига, и он это понял. Действительно опытный был гоблин.

Вместо ненужных движений он поднял гранатомет на уровень лица и низко присел, пропуская над собой мое тело, летящее ногами вперед.

Мои подошвы просвистели буквально в двух сантиметрах над его головой. Я приземлился в низкую стойку и следующие полмига боролся с инерцией.

Мне надо было срочно назад, к гоблину, а инерция полета на эти полмига оторвала меня от него!

Он воспользовался этим, чтобы выпустить из рук гранатомет, перевести автомат из-за спины и прочно ухватить его, направив ствол в мою сторону.

Я в ужасе сжался и стиснул зубы – сейчас очередь разорвет мое тело на части...

И в этот момент за спиной гоблина оглушительно рвануло.

Сработал самоликвидатор выстрела, который он собственноручно выпустил несколько секунд назад, будучи уверенным на двести процентов, что не промажет. Но он промазал, а с момента нажатия на спусковой крючок прошло много мигов – и он забыл, забыл, что если граната не находит цель, она самоликвидируется.

Поэтому он чисто рефлексивно обернулся и присел чуть-чуть – всего на полмига, но этого было достаточно, чтобы я справился с инерцией и прыгнул к нему, нанося с отмашки удар кинтасами правой в здоровенный нос и одновременно ухватывая левой ствол и дергая его влево-вниз.

Он успел нажать на спусковой крючок до того, как я, закрепляя результат, заехал ему кулаком в висок, и ствол неприятно вибрировал в руке – довольно неожиданно, так, что я чуть его не выпустил.

От второго удара гоблин заметно поскурился и обмяк, но я еще раз крепко угостил его локтем в лобешник. После этого он мешком рухнул наземь.

Схватка закончилась. Можно было перевести дух и опять жить в нормальном ритме, перестав считать мгновения.

Я увидел, что из-за брони показались настороженные лица моего боевого охранения, а над броней почти одновременно возникли взъерошенные головы корреспондента и водилы. Проснулись, мать вашу так! А ведь могли и не проснуться...

Ощупав поверженного врага, я убедился, что он жив – башка крепкая, однако. Мог бы и ласты завернуть – бил я его очень серьезно. Я снял его автомат через голову, разгрузку с экипировкой и пояс с ножом и отточенной как бритва пехотной лопаткой.

Через минуту снизу прибежали взбудораженные любители персиков, и на месте происшествия, как это обычно бывает «после того, как», начался оживленный обмен мнениями.

Я внимательно осмотрел валун, рядом с которым возникли гоблины, кое-что нашел и показал своим пацанам. До этого они меня уверяли, что обследовали каждую пядь, прежде чем спуститься к саду.

С закрытого кустами бока под валун уходила широкая нора. Предположить, что ее выдолбили в каменистом грунте за полчаса, было бы глупо. Значит, после того, как мы вечером проехали наверх, гоблины всю ночь трудились, а потом ловко замаскировались плащ-палаткой, которая сейчас валялась в этой норе, и преспокойно ждали.

Смущало то, что расчет гоблинов полностью оправдался: именно в этом месте был наиболее удобный спуск к персиковому саду и хороший обзор, создающий ощущение безопасности. Гоблины не сомневались, что пацаны захотят персиков, а я, несколько разомлевший после бессонной ночи, разрешу остановку... Тьфу!!! Век живи – век учись. На ошибках учатся! Умный учится на чужих ошибках, а дурак на своих.

В это время корреспондент уже щелкал «конишкой» и, сложив перед отключенным гоблином его экипировку, попросил меня встать рядом так, чтобы на заднем плане был виден труп второго. Только автомат брать не надо. Будет прекрасный снимок к репортажу о том, как один ловкий парень голыми руками завалил двух до зубов вооруженных боевиков.

Я категорически отказался, напомнив возбужденному корреспонденту, что меня изнасилюют в извращенной форме, если узнают, что я был с голыми руками! А куда я засунул свое оружие? Нет, спасибо.

– И вообще, – сказал я, собирая автомат, – забудь об этом эпизоде. Давай-ка поскладнее сочиним, как мы все вместе дружно отразили нападение этих негодяев. Лады?

Андрюха пожал плечами: больно заманчивый получался сюжет и вдруг – облом. Но ему еще не раз придется работать на передовой, и, если он кому-то сделает пакость, ему просто никто руки не подаст. Семафорная почта в «горячих точках» работает неслабо. Вот так.

– А как ты объяснишь прокуратуре, что свернул шею одному из боевиков? Не боишься, что тебя обвинят в дурном обращении с пленными?

– Расслабься, Андрюха. Они не пленные, потому что мы не воюем с ними. Ты это прекрасно знаешь. А насчет шеи, это надо еще обмозговать. Не думаю, что оставшийся в живых будет давать какие-то показания, которые мне как-то навредят, однако... В общем, надо поразмыслить.

Мы немного посоветовались с пацанами и решили, что при прочесывании местности эти двое внезапно выскочили из кустов и хотели взять меня в заложники. Произошел физический контакт, и вот – результат. Пойдет? Вполне. Ничего, что эта версия расходится с действительностью, о чем может заявить оставшийся в живых гoblin: его просто никто не станет слушать. Они, выгораживая себя, подчас такую чушь несут, что уши вянут. Ага...

Через пару часов, прибыв на базу, я плотно позавтракал и, искупавшись в «человечьем» душе (бочка с водой и сосок внизу), завалился спать.

А еще через полтора часа меня растолкал возбужденный комендант района, которого я спросонок едва не лягнул ногой в живот.

– Это... Ну, как его... Короче, сдали мы этого твоего гоблина местным властям... А он с...бался, сука, выломал решетку на окне и с...бался. Вот мразота!

Комендант добавил еще несколько плохо редактируемых, но хорошо известных выражений и поскреб заросший щетиной подбородок.

– Не, – недовольно произнес я и подождал, не скажет ли он еще чего.

Что гоблин ушел, не Бог весть какая крутая новость. Дураку понятно, что у них тут все связано, и девять из десяти задержанных боевиков сваливают из мест предварительного заключения при весьма загадочных обстоятельствах. Из-за этого он меня будить бы не стал.

– Ну, это... Ну, я только что приехал! – вдруг сорвался на крик комендант. – Я, бля, не мог угадать, что этот мудака такую х...ю отмочит!

Я насторожился. Уже три недели работал с этим комендантом и знал его как неглупого, тертого мужика, не дающего волю эмоциям.

– Федорыч, ты не монди давай. Что случилось?

– Да зам мой – он же только три дня назад прибыл... Ну, не сообразил он, не был он раньше...

Комендант отвернулся, избегая смотреть мне в глаза.

– Как только мы этого боевика сдали в райотдел, он накатал на тебя жалобу: они, мол, простые мирные жители, оружие им подсунили, а ты с ними плохо обращался, издевался и убил его брата. Ну, как обычно, сам знаешь... Вот звонит прокурор района в ВОГ и выдает все это. А трубку взял мой зам, я не подъехал еще... Ну и перетрухал, бедолага. С перепугу дал местному прокурору все твои координаты – якобы для оформления уголовного дела...

Комендант на несколько секунд смолк, ожидая, как я прореагирую. Я молчал, переваривал.

– И это... Вот... – Комендант протянул мне свернутый в трубочку листок и опять спрятал глаза. – Ты только не психуй, командир. Он же не нарочно...

Я совсем не собирался психовать. Что толку, если дело сделано?

На листке было написано – кровью, я ее достаточно рассмотрел, чтобы спутать с чем-нибудь другим:

**БАКЛАНОВ, ТЫ УБИЛ МОЕГО БРАТА. ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ
КРОВНИК. Я ЗНАЮ, КАК НАЙТИ ТЕБЯ И ТВОЮ СЕМЬЮ.**

И подпись внизу:

ТИМУР

Писано было аккуратно, без единой орфографической ошибки. Видимо, тот, кто писал, не торопился и выводил буквы иголкой или заостренной спичкой, макая кончик в кровь.

– Откуда это? – спокойно спросил я коменданта.

– Это на КПП какой-то местный пацан принес. Сказал: передать командиру спецназовцев. – Комендант вдруг схватил меня за локоть. – Только я прошу, ты не психуй, а?!

Он умоляюще посмотрел на меня, и мне стало немного неудобно: все-таки немолодой уже мужик, работяга, спрашивает, можно сказать, мальчишку – из-за какого-то ублюдка...

Я медленно поднялся с кровати и, подойдя к окну, облокотился о широкий мраморный подоконник. Стал рассматривать залитые летним ярким солнцем горные хребты, на которые уже наплывала от горизонта синеватая туманная дымка. Красота-то какая!

А дело дрянь. Я неоднократно получал угрозы в свой адрес – служба такая. Все эти угрозы оказывались пустыми словами. На самом деле за ними ничего не стояло и не могло стоять. Потому что для местного населения мы всегда были безликой группой в камуфляже. И только.

Есть такой Закон о внутренних войсках МВД РФ. Он подписан Президентом России и является обязательным для всех. Те, кто работает в зоне ЧП, очень строго соблюдают этот закон, особенно раздел «Гарантии личной безопасности...».

Но бывают исключения. Этих допускающих такие исключения я бы назвал преступниками и отдал под суд, будь моя воля. А еще лучше – дать такому «исключенцу» автомат и посадить на КПП где-нибудь на перевале. Чтобы он сутками смотрел на эти бородатые лица и с тревогой ждал, что вот-вот кто-нибудь из них достанет гранату из внутреннего кармана «вареной» куртки и бросит в досмотровую группу.

А потом, если этому «исключенцу» посчастливилось бы остаться в живых да вдобавок убить этого типа до того, как он выдернет предохранительную чеку, хорошо бы его оставить там же, возле дороги. Пусть понаблюдает, как часто подъезжают гоблинообразные и настойчиво интересуются: кто да кто здесь нес службу, когда погиб их родственник.

Но «исключенцы» не стоят на КПП и блокпостах, не делают рейдов. Они сидят в уютных кабинетах и за ящик коньяка, а в некоторых случаях и за кое-что более ценное выписывают всевозможные пропуска и документы...

С тех пор я часто видел во сне этого Тимура. И хотя в реальности схватка окончилась моей победой, во сне я сидел на броне со связанными руками, а Тимур целился из РПГ в борт БТРа, в котором находились моя жена и сын...

Эта дрянь мне обычно снилась после обильного приема на грудь или сильной нервной встряски, и я всегда просыпался в холодном поту с ощущением полной безысходности и противного липкого страха.

Так было и на этот раз. Я сидел в темноте, тяжело дыша, а перед мысленным взором еще стояли его глаза – глаза волка-оборотня на заросшем лице. Тимур...

ГЛАВА 2

Из раскрытого окна на третьем этаже пропикало шесть раз и голос диктора довел до сведения оригиналов, слушающих радио в это время, что в столице двадцать два часа.

Я аккуратно потянулся, хрустнув суставами, поудобнее устроился и чертыхнулся про себя. Интересно, как эти синяки умудряются часами лежать в таких неудобных позах, совершенно не меняя положения? Оп! Замер. Послышался неискренний девичий смех и обрывок тихого разговора: мимо подъезда прошла парочка, слегка отпрянув при виде моего тела.

Они тормознули метрах в двух-трех от меня, и девица высказала предположение, что, возможно, я и не пьян вовсе, а свалился в связи с сердечным приступом или почечной недостаточностью. Галька, дескать, рассказывала, что недавно у них возле дома мужик вот так же лежал – никому до него не было дела – и через пару часов очурился. Узнать бы надо, почему и я валяюсь, и помочь, если что.

Я дышал через раз, чувствовал, что начинаю испытывать к незнакомой Гальке чуть ли не ненависть. Если подойдут и не дай Бог посмотрят мне в лицо, позже у меня могут возникнуть серьезные проблемы.

Парень, однако, как этого и следовало ожидать, оказался не столь чувствительным. Он потянул подругу за руку, и я расслышал его заключение:

– Здесь медицина бессильна. Не волнуйся.

Он ей объяснил, что я – это Гоша, который примерно через день надирается непонятно за чей счет и валится около этого подъезда или любого другого соседнего, благополучно почивая, потому как время летнее и тепло, да и идти все равно некуда, поскольку – БОМЖ.

Я ему мысленно поаплодировал и облегченно вздохнул. Парочка скрылась за углом.

Осторожно вытянув из-под себя руку, я поправил козырек засаленной, потерявшей былую форму кондукторской фуражки, чтобы можно было хоть частично обозреть местность.

Но обозреть было нечего. Рядом не имелось во дворе никакого освещения, если не считать нескольких бледных световых пятен на асфальте от окон первого этажа. И ни одной живой души.

После объявления времени по радио прошло, может, всего около трех минут. Он вот-вот должен появиться, с минуты на минуту, поскольку педант и практически не изменяет привычкам.

Я потратил две недели для того, чтобы изучить до мельчайших подробностей уклад его существования. То, что он был, как немец, пунктуален, значительно облегчало эту задачу.

Впрочем, дельцы его типа и не могли позволить себе роскошь свободно распоряжаться своим временем. Они вынуждены были просчитывать каждую минуту своего пребывания на этом свете, поскольку при любом отступлении от схемы просто рисковали вылететь в трубу.

Прошли те времена, когда частное предпринимательство, освободившись от пут тоталитарного режима, только начало вставать на ноги и любой мало-мальски предприимчивый парень мог закрутить дела, получить сногшибательные бабки и, обалдев от радости, пуститься во все тяжкие.

Теперь «предприимчивых парней» было не просто много, а очень много. Больше, чем надо. Началась сильнейшая конкуренция, напоминавшая отношения между крысами в бочке, которые в свое время довольно живописно изобразил товарищ Чабуа.

Выживали только спортсмены, отличные спортсмены – те, кто азартно рвался вперед, не сбивая дыхания и наращивая темп.

Чтобы победить, нужны великолепная реакция, стальные мускулы и строгое соблюдение режима. Сам был спортсменом, знаю. В противном случае тебя просто обгонят более

жизнестойкие, оттеснят к обочине, где трудно бежать, поскольку постоянно приходится наступать на неровную кромку. А могут и просто сбросить в канаву: локотком – ррраз!

Он был, возможно, самым жизнестойким, потому что строго придерживался режима. За две недели наблюдения удалось установить, что отклонений от нормы не было, и я уже всерьез задумывался, не с киборгом ли имею дело. А что? При современном уровне технологий такое вполне возможно. Если же учесть, какую роль этот тип играл в размещении инвестиций из разряда черного нала, он должен был, по моим не особо профессиональным прикидкам, обладать качествами ЭВМ последнего поколения.

Ровно в 8.30 он выходил из дома. Пять минут требовалось, чтобы открыть-закрыть гараж, вывести машину. Пятнадцать минут он ехал к месту работы и в 8.50 входил в здание своего банка. Обедал скорее всего в офисе или вообще не обедал. Я туда не заходил по вполне понятным причинам.

В 18.00 он выходил из здания банка и через десять минут подъезжал на своей «девятке» к кафе «Раб желудка» – элитарному кормящему заведению, над входом в которое висела аляповато раскрашенная вывеска с изображением пожилого мужика, прикованного за ногу огромной ржавой цепью к анатомически правильно нарисованному желудку – почему-то ядовито-зеленого цвета: возможно, чтобы глазу было приятнее.

С 18.10 до 18.30 он поглощал свой обычный ужин. Большой стакан персикового сока выпивал за пять минут до приема пищи. Потом ему приносили овощи – помидоры, огурцы и прочее, а также зеленый лук, укроп... Причем, я сразу обратил на это внимание, не нарежали: на тарелках все лежало целиком и отдельно. Вторым блюдом служила сваренная без соли осетрина или что-то из лососевых. Я специально наведывался на кухню под предлогом поиска работы, чтобы выведать, чем его кормят, еще толком не зная, пригодится мне это или нет.

После ужина он поднимался на второй этаж кафе и до 19.20 играл сам с собой в бильярд: в это время, кроме него, в бильярдной никого не было.

С азартом погоняв шары в течение пятидесяти минут, он спускался вниз, садился в машину и катил к элитарному же спортивному клубу, который располагался в пяти минутах езды от «Раба».

В 19.30 он, уже переодетый в короткие спортивные штаны, занимал свое место напротив постоянного партнера по корту – такого же, по-моему, двинутого банкира или бизнесмена, только значительно старше. Этот старикан тоже никогда не опаздывал.

В 20.50 он заканчивал игру, делал ручкой партнеру и отправлялся в зал восточных единоборств, где до 21.30 в медленном темпе оттачивал удары по груше и макиварам – с резкими выдохами-криками, заканчивая упражнения пятиминутным комплексом тайцзи. После контрастного душа он покидал клуб.

Чтобы выяснить все эти подробности, мне не пришлось зависать на водокачке, пользуясь парашютными стропами, или притворяться служащим клуба.

Сначала я хотел напоить вахтера и таким образом добыть информацию, однако вовремя осознал, что мне ни к чему прямой контакт с потенциальным свидетелем. Остановило и то, что вахтер постоянно сидел около входа и, сами понимаете, не мог располагать исчерпывающими сведениями о чьем-либо пребывании в клубе.

За всем происходившим в этом заведении можно было элементарно наблюдать с помощью бинокля, удобно разместившись на крыше соседнего дома.

А когда в один из вечеров я захватил с собой узконаправленный микрофон, информации было добыто даже в избытке. Владельцы клуба не ставили никакой защиты от прослушивания. Секретные разговоры здесь не велись. Наоборот, сюда приезжали, чтобы хоть на час забыть о делах.

В 22.05 он подъезжал к дверям своего гаража, расположенного в двадцати метрах от дома, с тыльной стороны. Через десять минут он заходил в подъезд, поднимался по лестнице на третий этаж, отпирал дверь квартиры, шел целовать старушку-мать, а иногда она встречала его в прихожей, затем до 23.30 читал в своей комнате книгу.

Это мне удалось установить заранее, поднимаясь на этаж выше, а потом забираясь на чердак соседнего пятиэтажного кирпичного дома довоенной постройки, откуда я продолжал наблюдение, используя бинокль.

В 23.30 он гасил свет и ложился спать.

Так происходило шесть дней в неделю. Исключение составляло воскресенье.

В воскресенье клиент спал до 10 часов утра, затем садился в машину и отправлялся на свою дачу, которая располагалась в 20 баксах езды от его дома.

Да-да, именно так. Таксист-кровопийца сначала ни в какую не хотел преследовать машину клиента и все требовал показать удостоверение, которого, естественно, я не имел. Позже удостоверение вполне заменили 20 долларов. Не странный ли эквивалент?

В течение всего воскресенья клиент планомерно решал сексуальные проблемы, не человечьи многократно трахая какую-то телку, которая приезжала к нему на дачу на своей машине. В перерывах между траханьем он разгуливал в голом виде по территории дачи, окруженной глухим двухметровой высоты забором.

Все прелести дачной жизни клиента открылись передо мной, забравшимся в мансарду очень кстати пустовавшего дома по соседству. Предварительно пришлось открыть замок входной двери отверткой.

В ходе наблюдения удалось также выяснить, что клиент обладает прекрасно развитой мускулатурой и конячьей выносливостью, судя по тому, что его партнерша по сексу к концу дня едва передвигала ноги, не заботясь об изяществе походки, в то время как он сам садился в авто довольно прытко, беззаботно смеясь и насвистывая веселый мотивчик.

Половая жизнь с элементами нудистской культуры заканчивалась где-то в 20.00, после чего следовали прощание и разъезд по домам. Чем в дальнейшем занималась дама, я не интересовался: не было необходимости.

Клиент приезжал домой, ужинал (наверное, ужинал, но не могу утверждать это, поскольку его кухня с наблюдательного пункта не просматривалась), читал перед сном и в 22.00 укладывался спать. А с понедельника все повторялось сначала – строго по расписанию.

Во время наблюдения я неоднократно задавал себе вопрос: почему у этого типа нет охраны? Он был настолько важной фигурой в деле отмывания денег, что те, кто благодаря ему процветал, могли бы нанять для него целый взвод охранников.

Вариантов ответа было несколько. Но, поразмышляв, я пришел к выводу, что парень имеет настолько мощное прикрытие, настолько высокий теневой рейтинг, что здесь просто никому в голову не придет предпринимать в отношении его какие-то враждебные действия. Вот так. А потому, подготавливая акцию, я досконально изучал пространство и внимательно оглядывался вокруг. Если в чем-то промахнусь, ошибусь, то меня вмиг раздавят.

Вообще-то этого парня можно было пожалеть. Он был рабом системы, которую сам для себя создал. Сам заключил себя в жесткие рамки и теперь просто уже не волен был выйти из них.

Система не позволяла ему обзавестись женой и детьми. На них он тратил бы большое количество времени в ущерб работе. Поэтому он жил один с престарелой матерью в роскошной пятикомнатной квартире в два яруса – знаете, такие дома с непонятной системой лифтов, которые завозят куда-то не туда, и электронным вахтером на каждую секцию П-образного дома.

Зачем?! Зачем человеку пятикомнатная квартира, если он один с матерью? Зачем солидный счет в банке, даже, вернее, в нескольких банках, которые наименее подвержены воздей-

ствию инфляции и прочих негативных факторов? Целая куча денег, которые он никогда не растратит, поскольку тратить не умеет!

Я ненавижу его – и не только потому, что он имел счастье быть самым продуктивным отмычкой черного нал. Это как раз волновало меня меньше всего. Я ненавижу их всех – вот таких умненьких, благополучных фанатов вышибания средств, умеющих работать, как папа Карло, и расслабляться, не употребляя капли спиртного. Может быть, тут еще играло значительную роль то обстоятельство, что сам я был подобран с улицы – из милости и черт знает каких альтруистских побуждений, а на эту улицу меня толкнула безысходность, отчаяние, которое, насколько я понимаю, вот таким белковым роботам, функционирующим по расписанию, было просто недоступно, как и проявление прочих слабостей заурядной личности...

Мимо подъезда проехала его машина. Судя по времени и характерному звучанию двигателя, именно его машина. Это только непосвященным кажется, что все машины одной марки работают одинаково. Попробуйте послушайте две недели какую-нибудь «девятку». Если у вас все хорошо со слухом, то уверяю, что вы, встав в транспортном потоке в час пик с завязанными глазами, узнаете ее говор среди сотен других.

Машина завернула за угол. Я сосредоточился, потягивая мышцы, онемевшие от долгого лежания.

Мысль насчет Гоши, как и все прочие, тоже не возникла случайно. В ходе наблюдения выяснилось, что почти каждый день, за редким исключением, настоящий, реальный Гоша в непотребном виде добредал до одного из подъездов этого дома и замертво сваливался почивать до утра.

Странную приверженность Гоши именно к этому дому я объяснить не мог. Да и вряд ли бы это помогло в подготовке акции. Потому и не стал докапываться до сути, воспринял все как есть.

Обычно клиент, заходя в подъезд, брезгливо морщился и осторожно обходил бомжа, не возмущаясь и не проявляя интереса, пьян этот человек или просто умер.

Так вышло и на этот раз. Только сейчас настоящий Гоша лежал на ступеньках подвала, вход в который находился в этом же подъезде. Потом вряд ли кто вспомнит, что возле дома ошивался посторонний. Только Гоша, а на него никто никогда не обращает внимания.

Клиент приближался. Я хорошо слышал его шаги и напрягся, поудобнее сжав крепкую суковатую палку, которая служила Гоше посохом – он хромал на левую ногу.

Еще раз проверив свои ощущения, я пришел к выводу, что все в порядке: сомнений нет. Это очень важно – отсутствие сомнений. Вы даже не представляете, насколько важно. Если бы у этого типа были дети или хотя бы только жена, которая, как выяснилось бы в ходе наблюдения, любила его и сама по себе была бы неплохой девчонкой, я вряд ли бы смог все довести до конца. Бросил бы. Да, у него есть мать. Но с этим просто пришлось смириться. Не буду развивать положение о том, что он работал на сытых парней с большими рожами и такими же кулаками, на преуспевающих бывших уголовников. Он мешал моему боссу, и этого было достаточно.

Я напряженно слушал: кроме его шагов, не раздавалось никаких других звуков. Он уже рядом.

Представляю, как он сморщился, разглядев в полумраке темнеющее возле двери скрюченное тело. Попытался обойти Гошу, прижался вплотную к косяку. Но на этот раз Гоша завалился прямо на проходе, и после некоторых размышлений ему пришлось перешагнуть через бомжа.

Когда он занес надо мной ногу, я быстро выставил Гошин посох поперек дверного проема и, извернувшись, обеими ногами пнул его в зад. Этот прием я несколько раз репетировал

дома из того же положения, в котором находился сейчас, и здесь в подъезде все получилось как надо.

Споткнувшись о посох, он полетел вперед и, будучи хорошо тренированным, успел бросить кейс и вытянуть руки, амортизируя удар. Раздался короткий тупой стук, и его тело, пару раз дернувшись, обмякло.

В подъезде было темно: как обычно, юное поколение вышибло лампочку. Возможно, из рогатки или как-то иначе. Но их хулиганство работало на меня. При подготовке акции я продумал все до мелочей, все предусмотрел. Учел и то, разумеется, что в подъезде не будет света, а возвращается клиент так поздно, что темно уже и во дворе.

Он не мог видеть, что на нижней ступеньке лестницы примостилось сооружение, заботливо смастеренное моими руками. Я заранее снял гипсовый слепок с одной ступеньки. Когда клиент подъехал к дому, я установил эту псевдоступеньку в нужном месте, а под ней разместился бетонный блок, один из тех, что валялись в подвале.

Он, несмотря на отменную реакцию, буквально врезался головой в сооружение из блока и псевдоступеньки. Ни одна экспертиза не определит, что этот парень умер вследствие какого-то насильственного воздействия. Было темно. Оступился. Неудачно упал. Несчастный случай.

Я сделал расчет. Без моего сооружения вероятность смертельного удара при таком падении составляла не более 60—70 процентов. Вот почему мне и понадобилось «нарастить» ступеньки. Мое сооружение резко качнуло маятник в сторону смерти.

Все произошло в течение минуты. Удивительный был человек: и Гошу хотел обойти молча, и, когда падал, не издал ни звука.

Я прислушался. Было тихо.

Теперь надо действовать быстро. Надев драные сандалеты (до этого был босиком), я вскочил и, осветив место происшествия фонариком, занялся уничтожением улики. Очень хорошо, что этот тип умер сразу. Иначе мне пришлось бы добивать его, а я не знаю, смог бы это сделать или нет – очень трудно прикончить беззащитного человека, который не угрожает тебе.

Я вытащил из-за пазухи большой пластиковый мешок и, аккуратно приподняв голову трупа, извлек из-под нее сооружение, которое, к моему удивлению, оказалось совершенно чистым – удар пришелся на переносицу, и кровь, хлынувшая из носа, обильно залила пяточок площадки, но не попала на то, что находилось выше.

Согласно плану, я упаковал псевдоступеньку в пакет, а блок пихнул в подвал. Извлечь оттуда невнятно ругающегося спросонок Гошу и водрузить его на обычное место возле подъезда было делом простым и недолгим.

Все это время я нервно прислушивался, готовый при малейшем намеке на внезапное появление свидетелей сломя голову броситься через декоративные кусты в направлении автострады.

Никакого шума. Тихо. Железная дверь надежно блокировала вход в секцию – если кто-то будет выходить оттуда, ему придется несколько секунд возиться с замком, и я услышу скрежет. По моим расчетам, этого времени мне хватало, чтобы скрыться. Я учитывал и то, что человек, наткнувшись в темноте на мертвое тело, напугается, растеряется... В любом случае для меня это дополнительное время, я окажусь уже довольно далеко от этого дома.

Еще раз осветив фонариком место происшествия, я взял руку клиента и несколько секунд сжимал запястье, стараясь обнаружить пульс. Дыхания не было слышно. Но вдруг он еще жив? Может, сердце еще бьется? Нет, пульса тоже не было.

Пройдя пару кварталов, я вышел к небольшому пустырю с мусорными бачками. Оглядевшись, сорвал с себя лохмотья, которые незадолго до акции подбирал, стараясь, чтобы они точно повторяли Гошину одежду, и сунул их в мусорку. Теперь я остался в тенниске и трико.

О совершенном акте напоминали лишь рваные сандалии, которые я сожгу дома – не топать же через весь город босым. Тут же под бачком я нащупал заранее приготовленный металлический прут, которым быстро разбил гипсовую псевдоступеньку, и разбросал кусочки по нескольким бачкам.

Покинув пустырь, я прошел еще пару кварталов, после чего снял медицинские одноразовые перчатки и сунул их в оконце подвала близлежащего пятиэтажного дома – они выполнили свою функцию. Если кому-то вдруг взбредет в голову снять отпечатки пальцев с Гошиного посоха, найдут только многочисленные отпечатки хозяина и, если повезет, какую-нибудь микронитку от штанов погибшего.

Об этом я размышлял, когда голосовал на обочине автострады, и вдруг тихо рассмеялся: придурок, столько мер предосторожности! Перестраховался на нескольких этапах, как будто расследование будут проводить немедленно и займется этим непременно спецбригада из ФСБ! Вот так. Хотя, если признаться, я бы лучше предпочел иметь дело с ФСБ, чем с теми, кто завтра начнет выяснять причину смерти своего отмывалы.

Минут через пять меня подобрал таксист, который, с сомнением оглядев мой подозрительный прикид, все же согласился отвезти в Северный поселок – за десять баксов.

А еще через двадцать минут я жег сандалеты в камине, расположившись в кабинете моего покойного отца. Глядя на огонь, пил коньяк и еще раз прокручивал в голове всю акцию – теперь уже свершившуюся. Сколько дней я был в напряжении, следил, готовился!.. И вот теперь все позади. Вместе с теплом, которое распространилось по всему телу, пришло успокоение, а также уверенность, что я все сделал правильно и опасаться совершенно нечего.

Я несколько нарушил свой первоначальный план и вместо того, чтобы на другой день топтать напрямик к Дону, решил позвонить ему. Для этого мне пришлось зайти на автовокзале в провонявшую мочой грязную будку, предварительно тщательно изучив свою физиономию в большом витринном стекле. Я смотрел по видяшнику, что так делают опытные гангстеры или агенты спецслужб, желая убедиться, что у них никто не висит на хвосте.

Еще раньше я дал круг на кольцевом трамвае, вышел на две остановки раньше и доплелся до автовокзала пешком, периодически ныряя в попадавшиеся на пути проходные дворы, чтобы, затаившись на несколько секунд, вдруг высунуть один глаз на улицу – нет ли хвоста?

Хвоста, естественно, не было. Какой, в задницу, хвост? Нужно было иметь самонадеянность осла, чтобы предположить, что все уже стало достоянием соответствующих органов или людей Корпорации и меня «ведут».

Я на осла непохож – по крайней мере так хочется думать, но это чувство новизны ситуации, как ни странно, стало мне нравиться. Приятно щекотало нервы ощущение опасности, сознание того, что я наконец сам себя перевел в ту категорию, которой больше всего соответствовал – категорию универсального солдата, способного выполнить любую задачу, недоступную простому среднестатистическому исполнителю.

Кроме того, я давно не бывал в неординарных ситуациях – в таких, когда кровь щедро снабжается адреналином, весь организм работает на пределе своих возможностей, показывая чудеса, которые опять же среднестатистическому человеку просто недоступны. Согласитесь, что ситуация, в которой тебе ничего хорошего не следует ждать (либо законная расправа, либо незаконная), очень возбуждает.

Еще одна мысль приятно ласкала мое сознание, отодвинув все нехорошие мысли в самый дальний угол. Совсем скоро, возможно, через полчаса, я получу такую сумму, которую мне на офицерской должности не заработать в течение трех-четырёх лет. Может, и больше. Кто знает, во сколько Дон оценит оказанную ему мной услугу.

Я шел, размышляя о награде, и усмехался. Внезапно подумал: сколько бы мне пришлось пахать в армии, чтобы получить те бабки, которые я имею сейчас, практически не

напрягаясь? Если учесть индексацию, что-то около четырех месяцев к одному. То есть бабки, которые я сейчас получаю за четыре недели (у нас платят понедельно), в армии я бы получил за четыре месяца. Во!

Четыре месяца дурацкой службы, во время которой тебя могут убить или искалечить, оскорбить или унижить, засадить за решетку или подставить твоих близких. А ты тяни ляжку, потому что офицер, и никто не поинтересуется, можешь ты ее, эту самую ляжку, тянуть или как? И есть ли у тебя все, чтобы ты делал это как надо? Нормально?! Хотя, мне кажется, любой хозяин заботится о том, что имеет: периодически проверяет, например, в каком состоянии находится его автомобиль или лошадь, чистит, снабжает всем необходимым. А не делай он этого, его авто не двинется с места, а лошадь просто сдохнет.

Вот с такими соображениями я, как уже сообщал раньше, забрался в обделанную будку и набрал номер своего патрона.

Трубку сняла его очередная пассия – Наташка. Я толком не знаю, какова степень серьезности их отношений, однако могу с уверенностью сказать, что она ему не просто забава, как было до того. Слишком долго она сумела продержаться в этом доме, где дамы ее категории, как правило, проводили не более нескольких ночей – с перерывом в неделю, а иногда и больше.

Услышав меня, она сразу же поинтересовалась, где я нахожусь и почему так долго не был. Прибавив металла в голосе, я потребовал Дона. Не люблю, когда женщины ее типа пытаются диктовать свои условия. С того конца провода не доносилось ни звука: должно быть, она сразу надулась. Я живо представил себе, как это выглядит, и внутренне обрадовался. Иногда испытываю злорадство, грешен.

Через пару минут на том конце провода возник Дон.

– Что-то не так?

Он был краток, как всегда в таких случаях.

Я выдержал паузу и сказал как можно солиднее:

– Надо поговорить. Приезжай к скверу Героев революции. Желательно побыстрее. Только будь один, лады?

Видимо, Дона мое предложение несколько озадачило, если только его вообще что-то может озадачить. Он многозначительно хмыкнул и спросил:

– Так что случилось? Объясни толком...

Я не дал договорить, жестко отрезал:

– Я все сказал. Приедешь – поговорим. Только приезжай один.

И повесил трубку.

Постояв некоторое время возле будки, я соображал, не перегнул ли в разговоре с Доном. Уж больно кратко все получилось – как будто оборвал. Ну да ладно! Победителей не судят.

Отойдя от будки, я направился вверх по улице, которая через три квартала завершалась тупиком, названным по прихотливой воле какого-то бывшего функционера сквером Героев революции.

Уверен на все сто, что эти самые герои совсем не обрадовались бы в своем семнадцатом, когда бы узнали, какое место им посвятили благодарные потомки. А в незабвенные времена правления главного товарища, которого многие еще хорошо помнят, этого функционера наверняка пустили бы в расход, усмотрев в наименовании пустыря насмешку над героями, идеологическую диверсию и предательство.

Так вот, я направлялся к этому самому месту, не забывая периодически останавливаться у витрин попадавшихся на пути комков и обозревать отражавшуюся в этих витринах улицу – опять же на предмет обнаружения гипотетического хвоста.

Сквозь стекла на меня лениво смотрели пустые глаза с холеных торгашеских харь. Да, именно харь, так как лицом назвать то, что я видел в каждом киоске, можно было с большой натяжкой. Разве что когда сам ты пьян, сыт и тебе все до... Ну, вы понимаете, конечно.

Так вот, они на меня смотрели, даже не на меня, а через меня, с некоторой долей презрения и брезгливости. На потенциального покупателя так не смотрят, потому что покупатель, как правило, подходит (или заходит, если это павильон) и спрашивает то, что ему нужно. Солидный покупатель, состоятельный.

Я пока таковым не являлся, несмотря на то, что Дон платил мне сумму, достаточную для того, чтобы кормить четыре капитанские семьи. Сами знаете: чем больше имеешь, тем больше хочется. Аппетит приходит во время еды. В общем, чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу.

Еще полгода назад я купил себе довольно приличный прикид, с удовольствием констатируя, что далее в воображаемом списке приобретений – хороший двухкассетник, потом видеодвойка, потом...

Короче, через очень короткий промежуток времени денег стало не хватать. Потому что я очень быстро приучился лопать ежедневно по три-четыре килограмма свежих фруктов и еще пару килограммов переводил на соки. Еженедельно посещал заведения ресторанный типа, а потом, кроме всего прочего, вдруг залюбил коньяки. И не какие-нибудь, а те, что трудно достать и которые стоят очень дорого.

Я еще залюбил копченые окорока, маринованные грибочки, балычок, красную икорку, затем...

Ну ладно, я вас понял. Не стоит дальше. И так все ясно. Однако я вот что никак не могу понять: как это раньше на мою нищенскую получку мне удавалось содержать семью из трех человек? Заметьте, содержать, а не просто кормить. Не знаете? И я не знаю.

В очередной раз наткнувшись на презрительный взгляд, я вдруг представил себе, что, когда Дон отвалит мне значительную сумму (даже не знаю, сколько, но уверен, что много), тогда я так же вот, как и сейчас, остановлюсь у витрины какого-нибудь комка, долго буду рассматривать выставленные товары, потом спокойно, без суеты зайду и попрошу жвачку. Не пачку, а одну пластинку – да-да, мне всего лишь одну пластинку – чего-нибудь типа «Сти-морол». Ха!..

А когда это мурло своими толстыми пальцами вытащит из пачки одну пластинку и небрежно бросит ее на прилавок, я не спеша сниму обертку, засуну жвачку в рот, пожую и вдруг попрошу показать, допустим, вон то дамское платье сплошь из люрекса, зеленое с серебром... Это?.. Да-да, за пять тысяч баксов. Оно должно понравиться моей даме.

Чего засуетился? Смотри со стремянки не упали, когда доставать будешь. У вас страховку не платят.

Будто не замечая выпялившихся на меня продавцов, отсчитаю эти самые пять тысяч, брошу их на прилавок, возьму пакет и уйду. И плевать, что на эти бабки можно целый год кормить двух здоровых мужиков или трех женщин пенсионного возраста – тех, что сидят с трясущейся рукой в том самом сквере Героев революции. Плевать! Я свои трачу. А всех нищих и больных не накормишь.

Вечером я завалюсь в «Интурист», предварительно заказав столик. Устрою себе шикарный ужин, буду сидеть и ждать, когда подойдет одна из продезинформированных метром, отпадно прикинутых путан – из тех, что первоклассно обслуживают черножопых только потому, что у них в наличии «зеленые». Да. И презрительно смотрят на наших парней, потому что – совки. А как иначе? Презрительно и высокомерно.

Я, естественно, очарую ее и введу в заблуждение своим приличным английским, покормлю чем Бог послал, а затем приведу к себе в номер, который сниму заранее, заплатив кому следует, и она пойдет как миленькая, поскольку будет знать, что я – америкэн бой и

плачу «зелеными», и еще потому, что я буду спикать на международном языке, знание которого не выдули ветры Закавказья и не выбили металлические прутья обкуранных бакинских, ереванских и других парней, ибо этот язык старательно вкладывали в меня в спецшколе для шишкарских детей лучшие преподаватели.

Так вот, я приведу ее в шикарный номер, отправлю в ванную, а затем притащу оттуда мокрую и в мыле и буду иметь с таким остервенением, что у нее мозги повьлетают и позвоночник высылется в остатки ажурных трусиков, которые я заставлю ее надеть, когда извлеку из ванны, а потом разорву в клочья одним резким движением.

Я буду таскать ее по всему номеру, валять по полу, перекину через кресло, поставлю на подоконник... В общем, ей вскоре покажется, что это и не секс вовсе, а своеобразные работы. Я полагаю, что никто из черножопых так и не делает. Они образованны и искушены в вопросах любви. Во всяком случае, так их представляют в прочитанных мной книгах.

И вот, когда она совсем измотается и обессиленно завалится посреди роскошного номера на залитом зарубежными напитками и последствиями жарких соитий бархатном ковролине, я приму контрастный душ – мне потребуется для этого не более пяти минут, – потом оденусь по форме четыре и громко скомандую ей: «Подъем!!!»

Возможно, к тому времени она слегка закемарит и неправильно прореагирует на команду. По моему представлению, эти холеные сексуры не приучены к подобным вывертам. Тогда я повторю команду несколько раз, смешно коверкая ее, с английским акцентом. Она уставится на меня, грациозно отрывая от залитого чем-то ковролина прекрасную, недоступную простым рублевладельцам плоть, а я заставлю ее быстро принять душ: «Би куик, би куик, май дарлинг!» – и одеться, пояснив, что мы опять премя в кабак – жрать и глушить дринки за ее и без того железобетонное здоровье.

Но когда она приведет себя в порядок, наштукатурится и влезет в свою потрясную униформу, не забыв натянуть извлеченные из сумочки (предусмотрительно запасенные) шелковые трусики, я, улыбнувшись обаятельно, ласковым жестом приобниму за талию, нежно поцелую под ушко и приглашу ее следовать к двери, а потом, лишь только она возьмется за дверную ручку, томно улыбаясь в предвкушении дармовой хавалки и дринева высшего класса, я, продолжая все так же шикарно улыбаться, вдруг хлопну себя ладонью по лбу с последующим плавным разводом рук в разные стороны под углом 45 градусов.

Затем, пробормотав с виноватым видом: «Ай'м сорри, май беби, экскьюз ми!», я внезапно брошусь на нее и завалю тут же, в прихожей, загнув в черт-те какой позе, опять одним рывком уничтожу пресловутые трусики (с непременным рычанием) и безо всякой подготовки со всего маху засажу так, что она заверещит от неожиданности, а потом, залепив рот поцелуем, чтобы не орала, буду зверски драть, толкая от двери в глубь комнаты, упираясь носками скользких туфель в ковролин. И на ходу буду в клочья разрывать платье, периодически прогибаясь и поднимая голову, чтобы взглянуть в зеркало трюмо, как эта сцена выглядит со стороны. Я читал, что такие вещи здорово возбуждают...

Вскоре она поймет, что ее роскошным шмоткам приходит конец, и начнет извиваться и рваться из-под меня, выражая свое справедливое негодование. Но движения моего хорошо тренированного тела станут энергичнее, яростнее. Мне придаст силы не обычная страсть, именуемая похотью, а безысходная злоба совка, нищего, которому внезапно посчастливилось ухватить на богатом базаре большую свежеиспеченную булку, испускающую потрясающий ванильный аромат. И вот он пытается побыстрее ее схватить, жадно заглатывая огромные куски и давясь, злобно озираясь при этом – как бы не отняли, да вдобавок еще и не прибили бы за эту самую булку какие-нибудь из сытых торгашей с пустыми заплывшими глазками.

Так вот, я буду пластать ее с удесятеренной энергией, и к ужасу осознания утраты прикида у этой стервозы еще прибавится внезапное постижение страшной истины, что я имею

ее при полном отсутствии импортного, хорошо смазанного презерватива (в первом случае я его, так и быть, использую), который создает относительную безопасность.

А так как эти создания страшатся СПИДа, а еще больше СПИДа (по моему мнению) боятся забеременеть, она от ужаса совсем одичает и станет строить некрасивые гримасы.

И вот тут-то я заломаю ее еще круче, немисливо загну холеные ноги где-нибудь у себя на затылке, загоню головой под диван и с дикими рыками завершу процесс в четыре мощных толчка – так, что она почувствует, как моя животворящая субстанция низверглась в ее продезинфицированное нутро, – почувствует и содрогнется от страшного предчувствия чего-то ужасного.

А потом я засеку время и буду лежать на ней, удерживая в своих объятиях ровно 11 минут, чтобы не дать вырваться и произвести гигиенические действия контрацептивного характера, – десять минут, положенные, как утверждают специалисты, для закрепления процесса, и плюс минута – так просто, на всякий случай.

И пусть она будет вырываться и плакать, размазывая слезы по щекам, пытаюсь вызвать во мне жалость, – пусть! Если украл булку, нужно слопать ее до конца во что бы то ни стало.

Наконец я гордо встану и вытащу из кейса платье, купленное в комке, то самое, и брошу рядом с ней на пол – таким небрежным усталым жестом. И она, рыдая (злбно рыдая) и размазывая косметику по ставшему некрасивым лицу, схватит это платье и прижмет его к груди, бросая на меня полные ненависти испепеляющие взоры.

Но и это не все! В хорошей булке обычно бывает изюминка – в самом центре. Обкусав булку по краям, самый смак познаешь, когда отправляешь в рот эту самую изюминку. Обычно при этом закатываются глаза, а кадык судорожно дергается в последнем глотательном движении.

Я не буду закатывать глаза – это не в моих правилах, поскольку в определенное время и в определенном месте меня приучили во время общей большой еды держать глаза широко открытыми, иначе движение кадыка действительно может стать последним. Не только в этот прием пищи, а вообще – в жизни.

Я подойду к входной двери, оборвав попутно телефонный провод, вставлю ключ в замочную скважину с наружной стороны и спокойно сообщу, что ее, суку подчерножопую, только что отымел обычный совок, жена которого не всегда могла позволить себе роскошь приобрести новые трусы совдеповского производства, даже латала-штопала старые и берегла, потому как муж перебивался на зарплату, честно вкалывая, как папа Карло, в то время как другие – те, за кого он, придурок, проливал свою не разбавленную зарубежными напитками кровушку, – жировали, спекулируя и ворую. Это когда она у него была еще, жена, когда еще не сбежала отчасти из-за нищеты, отчасти из-за легкомыслия к армяну – торгашу шмотками...

Потом я запру дверь на ключ, оставив катающуюся от злобы по полу инвалидную штучку убиваться из-за своего поражения, и быстро-быстро спущусь вниз, в вестибюль. А там, в вестибюле, обязательно улыбнусь администратору и швейцару и, выйдя из стеклянного sklepa, бесшумно растворюсь в вечернем мраке.

А можно для полнейшего кайфа (ведь попадаютсЯ иногда булки с двумя изюминками!) вызвать ничего не подозревающего администратора, который по совместительству является и главсутенером, на крылечко, подальше от зорких глаз шкафоподобных ребят, тусующихся в холле, – вроде бы по делу – и там, обаятельно улыбнувшись, крепко заехать ему в репу, подождать, когда его жирное тело войдет в соприкосновение с холодным мрамором крыльца, приподнять за лацканы хорошего пиджака от Зайцева и еще разок заехать, присоветовав (назидательным этаким тоном) проявлять бдительность и не пускать кого попало. А уже потом раствориться во мраке – таинственно и загадочно...

ГЛАВА 3

Полтора года, что ли? Да, около полутора лет назад из внутренних войск России меня уволили с должности командира группы спецназначения и лишили звания капитана, которое я имел в то время.

Сам я, дурак, виноват, нечего врагов искать. Если хотите, расскажу. Только начать придется с того, что у меня была красивая жена. Натуральная блондинка с голубыми глазами, точеной талией и ногами, что называется, от коренных зубов. Она меня никогда не любила, но это я уже потом, после разрыва, осознал своей не особо умной головой.

Я эту девочку прихватил, когда охранял ее папаньку, сопровождая его в полете на какую-то точку в горах Кавказа. Папанька был генералом, и при проверочных облетах его охранял специальный расчет – пятеро солдат, сержант и офицер. Этим офицером в тот раз оказался я – тогда еще молодой лейтенант, командир взвода спецназначения.

Получилось так, что генерал на некоторое время задержался в районе чрезвычайного положения. Обстановка была относительно спокойной. А если еще учесть, что там в изобилии имелись горы, солнце, хорошие вина, кавказское гостеприимство (это потом оно сменилось открытой враждой, приводящей местами к военным действиям), то...

В общем, в гости к генералу прибыла супруга с дочкой. Дама, скажем так, эксцентричная, охочая до романтики и ревнивая ужасно, на что были причины, потому что муженек ее здорово на слабый пол западал, несмотря на возраст. Жена его периодически проверяла, используя для этого любую возможность. В тот раз ее появление оказалось сюрпризом. На какой-то заставе чего-то там кончилось, генерал по радиосвязи приказал доставить немедленно, до его убытия. Прилетел вертолет, и – нате вам... «Ха-ха» три раза.

В данном случае супруга генерала могла бы и не рисковать: ее опасения насчет времени и места не оправдались, поскольку горцы здорово хранят честь своих сестер и дочерей. Тут вместо клубнички можно отпробовать иное, острое, блюдо. Даже анекдот на эту тему ходит, но не стану злоупотреблять вашим вниманием. Суть в другом.

Так вот, получив сюрприз, генерал покатал желваки и – куда деваться? – организовал дамам кратковременный культурный отдых: охота на козлов (конечно, не сами дамы охотились), прогулки и потребление горного воздуха, вечера у костра, шашлыки, вино...

А я – молодой, стройный и, можно сказать, симпатичный лейтенант. Я вообще в этом плане скромный, но женщинам иногда нравлюсь, могу быть обаятельным. Вот я и прихватил дочку генерала у ручья. Сам не понял, как получилось. Именно прихватил. Вайнер весьма определенно охарактеризовал это в одном своем романе.

Наташе, дочке генерала, захотелось прогуляться к источнику, который призывно журчал на южном склоне, метрах в двухстах от опорного пункта. А уже стемнело, вот генерал и приказал сопроводить девушку.

Перед этим они довольно долго сидели за столом и выпили много вина, а кавказское вино коварно по отношению к равнинным жителям: оно обладает божественным ароматом и великолепным вкусом (разумеется, когда его готовят для себя, а не на продажу) и его пьешь так, как будто это компот. Но действует оно как хороший самогон вторичной перегонки. Причем весьма своеобразно: сидишь за столом, пьешь и прекрасно себя чувствуешь, весело и светло на душе, а когда встаешь, внезапно ощущаешь, что тело твое валяет дурака – нарушается координация движений и так далее.

Так вот, веду я дочку генерала аккуратно так под ручку, слежу, чтобы не спотыкалась, и млею: такая она красивая и недосягаемая. Я даже ни о чем таком и подумать не смел, молод был, субординацию ставил выше личных интересов. Как же, дочь генерала! Вроде бы тоже начальство.

Итак, болтая о всякой всячине (в одностороннем порядке – она болтает, а я отвечаю натужно, односложно так, типа: да, так точно, никак нет), добрались мы с грехом пополам до источника под спотыкания и «хи-хи». Попила генеральская дочь водички прозрачной, хрустальной, облокотилась о колоду и вдруг мечтательно так сказала: какая, мол, сегодня прекрасная погода, такой чудесный вечер, и вообще поэтому она хочет, чтобы я ее поцеловал...

А я стою ни жив ни мертв. Честное слово, мне страшно стало, женской плоти полгода в руках не держал. Сразу после училища рта, в которую я попал, улетела в эти самые дурацкие горы. Тогда дочка сама легко так меня обняла со смешком, приподнялась на цыпочки и поцеловала в губы.

Может быть, она хотела легонько поцеловать, для развлечения, но выпитое вино сыграло нехорошую шутку: голова, видимо, закружилась. Она всем телом навалилась на меня и впиалась губами в долгий поцелуе. Я почувствовал каждый ее мускул, каждый бугорок, выпуклость...

В общем, получилось так, что я не смог совладать с собой. В голову ударил красный туман, перед глазами закружились удивительные столбы фаллической формы. Она очухалась было и стала вырываться, но остановить меня тогда мог разве что хороший удар кованым сапогом в область затылка.

Я повалил ее прямо у источника, в грязь, где вечером топтались проходящие на водопой бараны, судорожно сорвал с нее все, что мешало, и в буквальном смысле слова изнасиловал со страстным мычанием – меньше чем за полминуты, при этом так тряся от возбуждения, будто по меньшей мере схватил лихорадку...

До этого я уже неоднократно общался с дамами, поэтому заметил, что она, несмотря на весьма ранний возраст, уже не девочка. Более того, буквально на последних секундах нашего соития (возможно, мне тогда просто померещилось) она начала предпринимать попытки получить удовольствие (в грязи!) и очень разозлилась, что ничего из этого не вышло – слишком быстро я управился.

Но это было не самое страшное. Когда она, ругая меня последними словами, смывала с себя грязь у источника, а я, разумеется, что-то виновато бормотал в ответ, мое плечо вдруг просело под тяжестью твердой сильной руки.

Это был генерал!!! Как он умудрился подойти незаметно, ума не приложу. Он осветил нас фонариком и зловеще, как мне тогда показалось, произнес:

– Ну что, доигрались?

Однако не появление генерала потрясло меня больше всего, а то, как после неизбежной в таком случае немой сцены отреагировала на ситуацию его дочь. Она встала в позу и с гневными нотками в голосе заявила:

– Папа, у меня сейчас такой период, когда вероятность зачатия практически сто процентов!!! Ты понимаешь, что это значит?!

Вот так. Не о поруганной девичьей чести и внезапно постигшем несчастье, не плаксиво и с оправдательными нотками... А гневно и требовательно, мол, у меня такой вот период, папочка. Делай вывод. Как приказ. И папочка, надо вам сказать, немного стушевался – на что уж человек был решительный и слыл за прозорливого умника...

Мы отправились в лагерь, и Наташка после непродолжительной возни пробралась в палатку, где уже почивала ее перебравшая маман. Оказывается, мы довольно долго гуляли, и все решили отправиться на боковую.

Пилоты тоже здорово наклюкались и с тихим ругачом возились в своей палатке, изредка оглашая тишину пустынного лагеря пьяным смехом.

Мы с генералом немного посидели у догорающего костра за разграбленным столом. Потом он вытащил из нагрудного кармана плоскую металлическую фляжку, плеснул из нее в два наименее грязных стакана и один протянул мне:

– Пей!

Я выпил. Это был какой-то хороший коньяк. Я до спиртного в те времена был не охоч и последний раз пил где-то с месяц назад с замполитом роты, когда ротный был в рейде – у нас вообще это не поощрялось. Тем более постоянно находишься с бойцами, которые здорово ревнуют своего командира к разным порокам. Он должен в их понимании быть суперменом на все сто, чтобы было с кого парсуну писать, как выражался наш ротный.

В общем, мы выпили, помолчали некоторое время. Я тут же раскис, поплыл, и все происходящее перестало казаться мне трагедией. Генерал стал как-то ближе и роднее – обычный пожилой мужик, не монстр со стальным взглядом и жестокой волей правителя. Даже почему-то жалко его стало... Единственное, из-за чего я переживал в тот момент, было то, что я так быстро все сделал – как испуганный кролик: трюх, трюх – и готово.

Генерал довольно долго смотрел на меня усталым тяжелым взглядом, изучающе так. Потом вздохнул и сказал:

– Ну что ж... Раз уж вышло... женишься.

Не предложил, не спросил – приказал, как привык повелевать всеми, подобными мне, хоть и мягко, как-то по-домашнему.

– Девка видная – жаловаться грех. Через месяц восемнадцать будет. Легкомысленная, правда. Есть такое. Намучился я с ней. Но дальше будут твои проблемы. На то он и муж, чтобы воспитывать...

Как отрубил. Вот приказ, лейтенант: жениться! Хотелось вытянуться в струнку, щелкнуть каблуками и крикнуть: «Есть жениться, товарищ генерал!»

Не посмел. Промолчал скромно. Я же говорил, что строго соблюдал субординацию.

А генерал, считая разговор оконченным, отправился спать, не забыв предупредить, чтобы я выставил пост по охране лагеря. Пост уже давно стоял: что бы верхи ни творили, низы всегда незаметно делают свою работу.

Я посидел немного у стола, тяпнул еще пару стаканов вина из ополовиненной большущей бутылки, что стояла на столе, вылил остатки на землю, чтобы пацанам не досталось, и тут же завалился спать прямо на лавке, укрывшись какой-то курткой – то ли генеральской, то ли летчицкой...

С той поры прошло пять лет. Я стал капитаном, командовал ротой, потом спецгруппой – после оргштатных изменений, хотя тесть неоднократно предлагал мне перебраться в штаб и припеваючи жить, не подвергая себя опасности. Я постоянно отказывался: просто не мог бросить своих парней. Нет такой причины, по которой настоящий мужик может добровольно бросить спецназ. И потом, как бы я посмотрел им в глаза, став штабным? Мне и так досталось: постоянно приходилось доказывать, что я хоть и генеральский зять, но сам по себе крутой мужик.

Жену свою я любил безумно. Сердце кровью обливалось, когда был вдали от нее. А она ко мне таких чувств не испытывала. Я это знал, видел, понимал... И старался себя обмануть. Боялся потерять ее.

Поначалу-то она отвечала мне взаимностью. По-моему, просто потому, что в молодости легко дать на проявление бурного чувства адекватный ответ. На время медового месяца я ушел в отпуск, и мы укатили загорать на Черноморское побережье Кавказа. Тесть устроил нам путевки.

Этот месяц был самым счастливым в моей жизни. Не буду описывать, как он прошел, – все, что ни скажу об этом, будет тускло и бесцветно. Поэтому лучше не говорить. Наверное, и слов таких нет, чтобы рассказать, какое я тогда испытал счастье...

А дальше закружило и понесло. Она жила в старом русском южном городе, в квартире, которую нам удалось получить благодаря тестю (практически все офицеры, молодые и не очень, проживали в это время в общежитии или снимали хаты в частном секторе, поскольку там

дешевле). Я по три-четыре месяца мотался по различным местам в южных республиках, валял там дурака (с точки зрения жены), приезжал домой на пару недель, ну, может, на месяц, а потом отправлялся обратно.

Что в это время подельвала моя супруга, я не интересовался, заранее прощал все женские слабости и... Я просто благоговел перед ней, чуть ли не молился на нее и, страшно тоскуя в разлуке, даже начал писать стихи, которые с любой оказией отправлял в письмах, типа:

А здесь в горах так пусто и тоскливо.
И неба край над гранью бытия.
Лишь теплится мыслишка сиротливо:
Когда, когда тебя увижу я?!
Короткий бой сметет расчет с пригорка,
Разрушив о тебе мои мечты.
А после будет радостно и горько:
Я жив, я цел... Я здесь, а где же ты?
Мой талисман – твоя любовь и верность.
Я буду жить, дыханье затая,
Пока ты ждешь, пока тебе я верю,
Пока завидуют рогатые мужья.

Вот такие изъявления нежного чувства типа «я вернусь!». И так далее...

Первая трещина возникла в один из периодов моего короткого пребывания дома. У меня был выходной. Мы с женой гуляли по городу. Захотел угостить ее мороженым, а к киоску была солидная очередь. Посадив свою «икону» на ближайшую лавочку, я встал за мороженым.

Вдруг рядом тормозит какая-то иномарка, из нее резво так выпрыгивает хачекообразный мужик, преспокойно обнимает мою жену и, дыша страстью нежной, пылко целует ее в губы. О! Она, сверкая глазами, отталкивает его и кричит, что – как вы смеете! Я вывернулся из очереди и натуральным образом вбил этого типа в машину, а его приятель, который был за рулем, резко перегазовал, и они, как говорится, скрылись в неизвестном направлении.

Вообще-то мы жили в южном городе, а кавказцев в нем – хоть пруд пруди. Они иногда пристают к женщинам, особенно их привлекают голубоглазые блондинки. Но...

Потом, ночью, после того, как Наташка была необыкновенно ласкова и горяча, я сидел на кухне, смолил «Кэмел» и анализировал.

Дело в том, что в нашей части на меня некоторые смотрели с сочувствием, которое я просто-напросто отказывался воспринимать. Ходили какие-то слухи, кто-то о чем-то судачил, некоторые парни мне пытались что-то объяснить. Одному из них я заехал в репу. Поэтому, зря, погорячился. Просто не желал ничего слушать. Знаете, возможно, как это бывает.

Так вот, смолил я, значит, этот самый «Кэмел» и припоминал. Был еще один нюансик. Дело в том, что Наташка родила сына через полтора года после свадьбы. Но это в принципе не отклонение от нормы – через полтора, так через полтора. Только вот были две небольшие неувязочки. Когда, оправившись от эмоций, я подсчитал срок зачатия, вышло, что ребенок – семимесячный.

Да-да. В апреле я укатил в командировку и прибыл домой только в конце июня. А наследник появился в конце февраля. Но это само по себе ничего не значило: бывают и семимесячные дети. Только вот сын получился смуглым, с черными глазами и волосами цвета воронова крыла.

Тогда я здорово переживал. В роддом после того, как его увидел, больше не приходил. Запил и несколько дней не выходил на работу.

Потом за меня взялась теща. Притащила какого-то консультанта, который долго и пространно объяснял беспочвенность моих опасений, дал посмотреть какую-то книгу уважаемого автора, где черным по белому было написано: неважно, что у родителей нет черт, которые проявились у ребенка, так как, возможно, когда-то у кого-то в роду кто-то был черненький.

А чуть позже мне позвонила мать и отругала: не майся дурью, сам не блондин, отец твой тоже в свое время закатил скандал: мол, почему ты не рыжий, как он сам, и не с голубыми глазами. А дело в том, что бабка по отцу у тебя грузинка. Но ведь грузины не черные, робко возразил я. Бывают и черные, успокойся. Ага.

В общем, попереживал я и отошел. Жена была ко мне ласкова, внимательна, насколько это возможно...

И вот финал. Ничего страшнее этого в моей жизни прежде не было. Я неожиданно вернулся из командировки раньше чем положено и застал свою жену с хачеком – уже другим, по-моему, который так добросовестно обрабатывал мою жену в нашей постели, что я даже на некоторое время дара речи лишился.

Они настолько увлеклись, что забыли обо всем на свете и не накинули цепочку на дверь, которую я открыл своим ключом. Сын, вероятнее всего, был у тещи. В зале на столе стоял французский коньяк, той же страны шампанское, в вазе – горка фруктов, рядом большая коробка нерусских конфет.

Дверь спальни была приоткрыта, так что я вполне мог наблюдать действие и слушать звуковое сопровождение.

Хачекообразный рычал, как чудовище из фильма «Чужие-2», и так интенсивно дергал тазом, что я машинально отметил: непременно он ей там что-нибудь испортит.

А жена моя страстно визжала, задыхаясь, и кусала его за грудь. Спина у хачека была вся волосатая, что ваш пуловер, а вот на голове сияла плешь, которая ритмично двигалась туда-сюда, и на плешь эту, лоснящуюся от обильного пота, падал лучик света из наполовину приоткрытого окна.

На секунду мне сделалось так нехорошо, что я в буквальном смысле отключился. Сел в кресло, помню. Сердце как-то резко заболело. Никогда не думал прежде, что у меня есть сердце, настолько хорошо был отлажен мой железный организм, который мгновенно адаптировался к любым нагрузкам.

Да, я сел в кресло, немного потискал лоб руками, механически взял конфету из коробки и стал жевать. Потом, опять же на автопилоте, медленно налил полный фужер коньяка, машинально выбрав тот, на котором отпечатались следы губной помады, – из этого фужера пила моя жена, самый дорогой мой человек, а ею я не брезговал – так было всегда.

Потом они меня увидели. В тот момент, когда он кончил, жена моя повернула голову и взгляды наши встретились. Глаза ее выражали скорее досаду, нежели удивление и страх.

А потом я ее ударил. Потому что она подошла ко мне, накинув рубашку хачека, – так делает женщина, закрывая свое тело от взгляда чужого человека: накидывает рубашку своего мужчины, хранящую его запах и тепло его тела. Наташка попыталась меня обнять и, насколько я могу припомнить, объясняла, как это у них все случайно получилось.

После моего удара она отлетела, опрокинув столик, и тут в поле моего зрения попал хачекообразный. Надо вам сказать, что лично против него я ничего не имел – он даже голый был такой солидный, мускулистый, уверенный в себе и, как ни странно, чувствовал себя, похоже, хозяином положения. Я помню, он наполнил фужеры и сказал: «Ничего, парень, не переживай. Мы тебе заплатим за моральный ущерб».

Тут он ошибся. Два раза.

Во-первых, он не оценил мои физические качества. Сам он был на полголовы выше и в два раза шире меня. Очевидно, таскал железо на досуге – хорошая грудь, мускулистый живот и мощные плечи. А я, честно говоря, когда одет и в неподвижном состоянии, бойцом не выгляжу. У меня кличка среди своих – Профессор, а наши дают клички очень точно, абсолютно адекватно сущности человека.

Во-вторых, он что-то там ляпнул насчет «заплатим». Вот так вот это выглядело: наглый, самоуверенный, хозяин жизни. Пришел, трахнул жену какого-то занюханного капитанишки и покровительственно этак похлопывает его по плечу: мол, не переживай, мол, заплатим. Тебе же лучше.

Я, помнится, дал ему в репу и промазал – скользком попал, потому что ничего не видел из-за наворачнувшихся на глаза слез. Он от этого удара даже не пошатнулся и принялся меня лапать – хотел удержать. Я стряхнул слезы и, ни слова не говоря, рубанул его локтем по диафрагме, затем пару раз надел на колено и методично бил по функциональным точкам до тех пор, пока он не перестал подавать признаки жизни. Потом собрал кое-какие вещи и ушел к парням в общагу.

События следующих дней я помню плохо. Мне тогда не то что анализировать, жить не хотелось. Я валялся на койке в общаге, ничего не ел, на службу не выходил. Командир отряда, зная о ситуации, меня не тревожил, и так тянулось несколько дней – до бригадного развода, когда кто-то из начальства обратил внимание, что такого-то нет.

Потом меня вызвал генерал. Я ему сказал, что служить не буду. По крайней мере здесь. И если он не желает скандала, пусть меня побыстрее уволят – неважно, по какой причине.

Я прокантовался в общаге где-то с месяц. Парни подкармливали. Спустя некоторое время меня уволили из войск, пропустив через офицерский суд чести. Это произошло очень быстро. Некоторые годами ждут и долго дуркуют, прежде чем их выкинут.

К тому времени я немного оклемался и начал подумывать, чем бы заняться далее. Как-то пошел погулять по набережной – под вечер, уже смеркалось, вполсилы светили немногочисленные рабочие фонари. Переходя дорогу, я увидел у светофора «вольво», за рулем которой сидел тот самый хачек, который крыл мою жену.

Хачек тоже заметил меня, развернулся по кругу и скрылся в неизвестном направлении, покачав сердито головой. Я удивленно пожал плечами: против него я ничего не имел и не горел желанием выяснять отношения.

Когда я забрел куда-то на самый конец набережной, где река подмывала сгнившие сваи и земля сползала пластами в грязную пенную воду, у меня внезапно возникла мысль о самоубийстве.

Несмотря на то что парни в общаге постоянно уговаривали меня плюнуть на случившееся и забыть все, я просто ничего не мог с собой поделать – здорово переживал. Как вспомню жену, слезы в глазах и такая обида поднимается к горлу здоровенным комком – с ума сойти можно!..

А тут такая вот панорама: пустынная набережная, тускло освещенная морговским светом, кругом мусор, окурки, мутная вода, воняет чем-то... Жить не хочется на такой земле.

Вдруг сзади раздался скрип тормозов. Оборачиваюсь, смотрю – «вольво», та самая, и за рулем сидит тот самый хачекообразный. Когда машина остановилась, из нее вышли трое парней и, не торопясь, затопали в мою сторону. Мне тогда абсолютно безразлично было, что со мной будет. Как бы со стороны наблюдал: вот они подходят, а я сижу на парапете и придурковато так ухмыляюсь.

Я, помнится, спросил что-то типа того, что они топить меня хотят или как? Тогда возник этот хачек, приятель моей жены, и пояснил, что они просто-напросто поучат меня вежливости, дескать, как надо вести себя с приличными людьми, и что я зря тогда погорячился из-за какой-то бляди.

Напрасно он так сказал. Я прямо автоматически выбросил ногу вперед, одновременно разворачивая бедро, и почувствовал, как промялась его переносица под подошвой моего ботинка – с таким противным хрястом.

Парни, по всей видимости, были не новички в деле воспитания грубых мужей, и, насколько я понял, хачек просветил их по поводу моих бойцовских качеств. Они обступили меня треугольником, не подходя близко, и один из них, стройный симпатичный чеченец с маленькими усиками, загадочно улыбаясь, вытащил из-под мышки хорошие нунчаки.

Тогда я почему-то не думал об опасности, а оценивал качество этих чак. Они действительно были хорошие, я такие уже однажды видел у одного парня. Точеный стеклопластик коричневого цвета, латунные накручивающиеся набалдашники и двойная сварная цепочка. Такими чакками можно с одного удара разнести вдребезги пластмассовую пожарную каску, какие в свое время выдавали нашим подразделениям для защиты от камней.

– Малыш немного нервничает, да? – Чеченец красиво крутанул нунчаки перед собой, перебросил их с руки на руку. Было очевидно, что он ими неплохо владеет. – Мы сейчас малыша спатеньки уложим! Бай-бай!

Ей-Богу, как в боевике с Ван Даммом! Я почему-то вспомнил один из похожих эпизодов и опять разразился дурацким смехом. Эти парни, судя по тому, как они двигались, секунд через пятнадцать слепили бы меня. Можете мне поверить. Нет необходимости драться с противником, чтобы определить степень его мастерства. Достаточно посмотреть на него в повседневной жизни, увидеть, как он двигается, как проявляет рефлекс и эмоции. В общем, я был потенциальный труп, если бы чечен чакки не достал. Это неправда, что кашу маслом не испортишь. Попробуй переложить – такая херовина получится!

Чеченец быстро шагнул вперед, продолжая крутить чакки, и ошибся: вместо простого, наотмашь, удара, от которого я должен был попятиться и попасть в зону рук-ног его приятелей, он сделал сложный финт за спиной, чтобы выхватить и мазануть вкруговую по голени. Когда он перебрасывал палки за спиной из правой руки в левую, я легонько пнул перехватывающую руку с подшагом вперед, и чакки завязались на моем голеностопе, после чего мне оставалось лишь подбросить их перед собой и схватить.

В общем, тех парней, что стояли несколько сзади, я просто ударил по разу. Они сразу вышли из игры, поскольку удары были очень быстрые и пришлись по черепам. А с чеченцем надо было немного повозиться. Он не хуже меня знал толк в рукопашной. В процессе я, кажется, сломал ему голень и оба предплечья, только после этого он подставил голову.

Хачека я трогать не стал, ему и так здорово досталось. Я открыл капот машины, вырвал оттуда все провода, что сумел ухватить, и, найдя на пристани здоровенный булыжник, методично уничтожил в машине все стекла, не забыв потом забросить орудие преступления далеко в воду...

На следующий день я решил навсегда уехать из этого города, который разбил мое счастье. Так, кажется, принято выражаться в подобных случаях.

Перед отъездом я зашел домой, чтобы забрать кое-какие вещи, и, разумеется, встретил Наташку. Она не работала: вроде бы был выходной.

Моя жена не особо переживала. Во всяком случае, выглядела она прекрасно. Открыв молча дверь, прошла на кухню и все время, пока я собирался, просидела там, не проронив ни слова. Перед тем, как уходить, я остановился у двери.

Зря пришел сюда. Зря! Я почувствовал, как что-то закипело внутри, бешено застучало сердце. Жалость к себе и ненависть к неправильно устроенному миру задержались в душе.

Наташка вышла из кухни и теперь стояла близко – рукой можно дотронуться, такая же красивая, как и всегда, как в те времена, когда мы были вместе и я не мог наглядеться на нее.

Господи! Ну и плохо мне было в тот момент!.. Я, здоровый мужик, не раз смотревший в глаза смерти, машина, запрограммированная на бой.

Я не мог говорить. Надо же было попрощаться, но что-то душило. Казалось, что в горле застряло что-то большое, шершавое... аж слезы из глаз!.. Я смотрел на нее, на эти руки, которые я так любил целовать, на мягкую копну волос, тех самых волос, в которых прятал свое лицо, вдыхая их аромат и забывая обо всем на свете...

Наташка спасла положение. Если бы она протянула руки, виновато что-нибудь прошептала, я бы сжал ее в объятиях и расплакался, как ребенок. Но она не прошептала, нет. Голос ее прозвучал сухо и неприязненно:

– Ну что, за квартиру судиться не будешь?

Вот так. Спасибо, что не дала мне сорваться. Я сглотнул, прокашлялся.

– Зачем судиться? У тебя ребенок. – Я опять прокашлялся и махнул рукой. – Прощай...

Так расстался я со своим самым дорогим человеком. Вечером этого же дня уехал в свой родной город.

Некоторое время я катался по городу, собирая деньги: отец устроил меня инкассатором. Работа непыльная. Платили, правда, слабовато, но я жил у родителей, практически ничего не тратил и ни в чем не нуждался.

А потом случилось самое страшное несчастье в моей жизни. Мои родители, возвращаясь с дачи на своем автомобиле, попали в автокатастрофу. Были сумерки, самое паршивое время суток, когда фонари еще не разгорелись, а полумрак размывает очертания предметов. Видимо, поэтому отец проглядел выезжающий из-за поворота на трассу «КамАЗ», который двигался с выключенными фарами. Когда на место происшествия прибыла «скорая помощь», мои родители были мертвы...

Я никогда не верил в Бога, не увлекался модными ныне оккультными учениями и прочей мистикой. Но после того, что случилось, я стал думать, что рок за что-то преследует меня...

Не буду описывать дальнейшие перипетии своей безрадостной жизни, если это можно назвать жизнью. Скажу только, что я чуть не спился. Появились какие-то патологические хари, мелькавшие в алкогольном тумане, кто-то приходил, что-то приносил, пили, опять уходили, где-то шатались, опять пили – и так до бесконечности.

Из инкассаторов меня выгнали – кому нужен пьяница? Некоторое время помаявшись подобным образом, я в один прекрасный день стал перед фактом, который настоятельно требовал, чтобы над ним задуматься: у меня не осталось и крошки хлеба, собутыльники меня покинули, поскольку я им не мог ничего дать, кроме осложнений с участковым, который пригрозил всех отметелить, ежели не перестанут спаивать пацана, меня то бишь.

Так вот, я проснулся где-то в полдень и обнаружил, что дома совершенно нет ничего из продуктов. Тогда я решил умереть от голода. Работать где-то на складах и таскать мешки с мукой очень не хотелось, а просить милостыню я не стал бы и под страхом расстрела.

Уже была зима. Оказалось, что и уголь кончился. Лежа в нетопленном доме на грязной постели, я рассеянно чесал места укусов вшей – уже и не помню, когда они начали одолевать.

Пролежал я так, уподобляясь великим стойкам прошлого, сравнительно недолго. Буквально к рассвету следующего дня хмель вместе с остатками шлаков и прочей сопутствующей дряни вышел полностью, и вместе со зверским голодом я внезапно ощутил жажду кипучей деятельности во благо своего желудка, тела и того, что осталось от души.

Мне одновременно захотелось – остро так, с надрывом, до ломотной боли в груди захотелось сразу – жрать до отвала, еще баню с крутым паром, веником и женщину! Ух!..

Я даже зарычал от внезапно навалившихся желаний, до того это было ново и остро. Уже и не помню, чтобы за последнее время я был трезвым и ощущал себя, что называется, в здравом уме и твердой памяти: все было как-то расплывчато, наполовину, без особой эмоциональной окраски и акцентов.

Однако надо было что-то предпринимать, ведь у меня, как я уже отметил, не было денег, не было угля – вообще ничего не было, чтобы вернуться к нормальной жизни. Я быстро оделся во что-то и бросился к соседям в надежде занять...

Соседи не пожелали мне ничего давать. Зато я узнал, что раньше уже выклянчил кучу денег и чуть ли не полгрузовика угля в соседних домах. Теперь, надо полагать, у соседей кончился лимит терпения, доверия и жалости.

Стыдно. Но убей меня Бог, если я хоть что-то помнил...

Тогда мною овладела какая-то отчаянная злость: надо же мне снова стать нормальным человеком! Внезапно я вспомнил, что у меня есть телефон – уже и не знаю, когда я последний раз им пользовался.

Решил куда-нибудь позвонить, хоть в милицию, что ли: пусть приедут и заберут, навру, что я убил кого-нибудь. Пока будут разбираться, авось там накормят и помогут. А можно еще в психдом звякнуть – я был уверен, что в таком состоянии запросто сойду за помешанного.

Немного успокоившись, я с трудом отыскал записную книжку с номерами телефонов и долго листал ее, соображая, кому бы позвонить. Наконец нашел несколько номеров старых приятелей и знакомых, к которым можно было обратиться, не опасаясь, что ответят отказом. Тут меня внезапно продрало: а вдруг телефон отключили?! Когда я платил за него последний раз? Не помню. Скорее всего вообще не платил, после гибели родителей как-то не до того было.

Телефонная трубка ответила умиротворяющим гудком. Похоже, что машина, которая должна автоматически отключать абонента, ежели он просрочит уплату, на сей раз засбоила или чего там еще. Может, просто по халатности не отключили, как это у нас бывает.

Первый номер отсутствовал. Когда набрал второй, мне сообщили, что никакого Сергея здесь уже давно нет. Это меня особо не расстроило, я стал набирать дальше... Звонил долго, упорно, но, должен признаться, результат был нулевой. Только двое из гипотетических кредиторов оказались на месте, но и те дали понять, что, мол, извини, паря, время суровое, тревожное, поэтому в ближайшие годы инвестиций не предвидится.

Я сник. Позыв на кипучую деятельность во благо тела внезапно сошел на нет, уступив место апатии. В самом деле, кому нужен какой-то давний знакомый, который после стольких лет молчания звонит и просит денег?

Машинально перебирая листы записной книжки, я добрался до последней страницы, на которой ничего не было, кроме тщательно заштрихованного ручкой прямоугольника. Видимо, раньше здесь было что-то написано, а потом кто – то счел нужным эту запись уничтожить. Я перевернул страницу и на внутренней стороне обложки разглядел слабый след записи. Внезапно всплыло в памяти читанное когда-то нечто из графологии: сильный нажим, однообразный наклон и постоянная величина букв свидетельствуют о цельности и твердости характера...

Совершенно спокойно, не зная еще, какой от этого будет толк, я подошел к окну и с трудом разобрал, тщательно вглядываясь, то, что осталось выдавленным на обложке – номер телефона и фразу: «Анечка, будет плохо – позвони».

Присев на диван, я попытался осмыслить полученную информацию. Аня – имя моей матери, царствие ей небесное – так, кажется, принято говорить, вспоминая об умерших. Я не мог примириться с тем, что мамы нет. Так пишут в книгах, когда хотят показать глубину скорби оставшихся здесь по тем, кто ушел. Я не то что не мог примириться, просто старался не думать об этом. Понимал: стоит только заострить на этом внимание, как я взорвусь изнутри от страшного чувства одиночества и осознания трагичности случившегося...

Не буду говорить о том, как я любил мать. Это было бы просто перечислением стандартных понятий, которые в избытке имеются в любой мало-мальски «нравственной» книжонке. Скажу лишь, что она была необыкновенной женщиной. Все, кто с ней общался, пони-

мали, что на них снизошла благодать Божья. Я не помню, чтобы она повысила голос или как-то выразила свое недовольство в резкой форме.

Помню еще, что я всегда был уверен: отец мой просто недостоин счастья иметь супругой такую женщину и ему повезло, как только может повезти на этом свете. Впрочем, похоже, что он и сам так считал.

И еще. Я в юности был глубоко несчастен, как я думал, оттого, что не родился лет на двадцать раньше. Я был уверен, что, если бы это случилось, я сделал бы все, чтобы жениться на своей матери (впрочем, она тогда не была бы моей матерью), возможно, уюкошил бы ее мужа, если бы он существовал. А поскольку все это из области фантастики, я в юности был глубоко несчастен, так как верил, что такую женщину, как моя мать, я в жизни не встречу никогда...

Так вот, я разглядывал «оттиск» надписи и вяло соображал. Кто бы ни был этот тип, что написал для мамы на последней странице, он может мне помочь. Попытка не пытка. Я набрал номер без всякой надежды на успех и приложил трубку к уху. Через восемь гудков на том конце возник недовольный женский голос.

У меня болезненно-изошренное воображение, особенно когда организм находится в нетипичном состоянии, и я сразу же представил себе особу лет тридцати–тридцати двух в одном чулке (почему именно в одном, не знаю даже), с всклокоченными волосами, крашенными перекисью и торчащими в разные стороны, помятой и красной от прикосновения мужской небритой рожи физиономией. Особу, которая выскочила из спальни в прихожую и, нагнувшись к низенькому столику, держит одной рукой телефонную трубку, а другой перебирает полы халатика, укрывая самовольно выскальзывающую грудь.

Голос недовольно повторил: «Да!», как будто особу оторвали от самого важного и, возможно, последнего в ее жизни дела.

Собравшись с духом и стараясь придать голосу уверенность, я произнес:

– Хозяина позовите. Только побыстрее, я спешу!

Видимо, особу ответ не только не удовлетворил, а даже как будто взнервировал несколько, потому что она еще более, чем раньше, недовольным тоном неприязненно ответила:

– Какого хозяина? Ты куда звонишь, бедолага?

Ну вот. Сказать, куда звоню, я, естественно, не мог, поэтому на секунду-другую замялся, а эта дама, на том конце провода, тут же этой заминкой и воспользовалась:

– Сообразисначалакудатебенадоапотомтрубку бери!!!

Эту фразу особа выпалила с непостижимой уму быстротой, как будто репетировала полгода, и с такой энергией, что я даже задохнулся от возмущения и уже набрал было побольше воздуха, чтобы обматерить ее как следует, что вообще-то не в моих правилах, однако эта «скороговорка» бросила трубку. Вовремя, потому что досталось бы ей от меня, ответил бы ей достойно.

Ну надо же, а! Во мне тут же пробудились все чувства, что я испытал сегодня, как проснулся. Признаться, после разговора с женой я испытывал ко всем без исключения женщинам что-то типа ненависти и желания каким-то образом отомстить – чувство низкое и недостойное, тем не менее оно имело место в глубине души, а иногда, при соответствующих обстоятельствах, вылезало наружу в неопределенной форме.

Вот и сейчас я не считал нужным отказывать себе в удовольствии и живо представил с мстительной радостью, как я, вот такой грязный, вонючий и блохастый, вваливаюсь в эту прихожую и хватаю особу в одном чулке, ничего не соображающую от неожиданности, и тут же, грубо содрав с нее халат, загибаю, засовываю ее голову меж своих колен и с размаху шлепаю по пышным розовым ягодицам, которые студенисто подрагивают от моих ударов,

шлепаю, пока руки не отобью, а она визжит, как резаный поросенок, а я шлепаю и приговариваю: так тебе, самка, так тебе, шалава!!!

А из спальни, «кривоногий и хромой», с большим животом, плешивый и непременно в длинных семейных трусах оливкового цвета, выбегает ее любовник, тоже ничего не соображая от неожиданности. А я ловко нокаутирую его одним ударом – это мы можем, – и при этом моралистически приговариваю, что, дескать, любое зло должно быть наказуемо.

А потом, когда ладони уже горят, я перехватываю эту визжащую особу, наваливаюсь на нее, перебрасываю через лежащего без сознания любовника и в извращенной форме грубо насилую – очень долго и мучительно, и все это непременно с дикими криками и подвыванием звероватым... Вот.

Насладившись сфантазированной мстостью и немного успокоившись, я позвонил вторично. Трубку на этот раз взяли очень быстро. Видимо, она сидела в засаде около телефона.

– Да!

– Слушай, шалава. Если ты сейчас же не позовешь хозяина, через сорок пять минут твоей дряблой задницей будут играть в футбол. Ты поняла?

Я довольно спокойно произнес заранее заготовленную фразу, возможно, как мне тогда показалось, с металлом в голосе.

В нашем телефонном общении возникла пауза, затем особа спросила уже без прежнего напора:

– Кто это?

– Это Черный Джо с мяскокомбината, если ты так настаиваешь, май дарлинг. Зови побыстрее хозяина и моли своего еврейского бога, чтобы я забыл о нашем разговоре и вообще о твоём существовании.

С той стороны послышалось нечто напоминающее звук внезапно потухшей газовой горелки. А через полминуты ответил приятный мужской голос – чуть хрипловатый, низкий такой, знаете, который нравится женщинам.

– Да, Дон у телефона. Что вы хотели?

Тут настала моя очередь смутиться. Я уже было настроился на едчайший сарказм и беспощадную борьбу на телефонном фронте, и вдруг – так спокойно и вежливо...

– Ммм... Вы знали Анну Федорову? – Я пробормотал первое, что пришло в голову, причем автоматически назвал девичью фамилию матери, даже не знаю, почему так получилось.

– Что?! Кто это говорит? – Голос на том конце внезапно сорвался, сделался раздражительно-настороженным.

– Понимаете... Ну, в общем, я вас не знаю. Вы меня, по всей вероятности, тоже... Это говорит ее сын.

ГЛАВА 4

Насколько мне помнится, я не особенно удивился, когда примерно через полчаса после телефонного звонка входная дверь моего запустелого дома отворилась без стука и в прихожей появился приличный такой, спортивного вида мужик лет, может, сорока пяти.

Вошел он довольно робко, что никоим образом не соответствовало его характеру, – это я уже потом, спустя некоторое время отметил. А тогда мне было совершенно не до анализа. Я пребывал в околокоматозном состоянии, потому что всплеск физиологической и психической активности сошел на нет и на смену ему пришло уже испытанное ранее желание умереть голодной смертью.

Помнится, я равнодушно смотрел на него, даже не пытаюсь связать появление в моей убогой хате этого отпадно прикинутого типа с недавним разговором по телефону.

Если я ничего не путаю, кажется, он первым делом задал довольно странный для сложившихся обстоятельств вопрос:

– У тебя сохранился семейный альбом?

Вяло посообразав, я мотнул головой в сторону платяного шкафа, на котором, сколько себя помню, всегда лежал этот альбом – в коробке из-под маминой шляпы.

Кажется, в тот момент у меня мелькнула мысль, что я этого типа где-то видел, и не раз, и он меня – соответственно, и что этот тип желает идентифицировать меня с тем образом, который был ему знаком. Настолько, видимо, я опустил, что он, глядя на меня, сомневался, действительно ли я тот, за кого себя выдаю.

Пришелец встал на цыпочки, осторожно достал коробку со шкафа, обрушив на себя тучу пыли, извлек из нее альбом и сел на продавленный диван рядом со мной, брезгливо поморщив нос – от меня, наверное, так несло...

Присев на диван, он несколько секунд подержал руки на обложке альбома, как будто не решался открыть его, потом начал аккуратно перелистывать жесткие страницы, внимательно рассматривая хранившиеся в альбоме фотографии. Я молча сидел рядом с ним и тупо смотрел перед собой, даже не поинтересовавшись, чем вызвана необходимость именно сейчас производить досмотр альбома, – наплевать на все было.

Сколько времени он был погружен в прошлое нашей семьи, я сказать затрудняюсь. Помню, дойдя до последней страницы, он тяжело вздохнул, снова раскрыл альбом где-то посередине и вытащил из прорезей небольшую, старую, но довольно хорошо сохранившуюся фотографию. И сунул ее мне под нос.

– Такие снимки еще есть? – Он говорил тихо, как с тяжелобольным. – Вообще есть еще где-нибудь фотографии?

Я немного помолчал и отрицательно помотал головой, поскольку, с трудом шевельнув извилинами, вспомнил, что, когда мне было лет восемь-девять, отец по какой-то причине уничтожил все другие фотографии.

Мама тогда принесла от родителей два своих альбома – школьный и институтский. Я частенько их разглядывал, когда бывал у бабки.

Мой отец был всегда спокойный. Мог иногда на меня повесить голос из-за каких-то моих шалостей, но на маму – никогда. Вот почему я так хорошо и запомнил, что именно в этот день отец сильно кричал на мать – не знаю, по какой причине, а потом тщательно перебрал все фотографии в этих двух альбомах, часть из них вставил в наш семейный толстенный альбом с бархатной голубой обложкой, а остальные сжег. Помню, что мама сильно плакала, а позже на мои бестолковые вопросы отвечала, что у папы неприятности на работе. После этого они с отцом неделю не разговаривали...

Этот тип тяжело вздохнул, поднялся с дивана и, как мне показалось, бережно положил альбом в коробку. Постоял молча около минуты, потом повернулся ко мне.

– Надеюсь, ты понял, что звонил сейчас мне. Я – Донатан Резоевич Чанкветадзе.

Он огляделся по сторонам, опять брезгливо поморщился – видимо, на этот раз ему здорово не понравилось место моего пребывания.

– Я забираю тебя с собой. Поехали, – сказал он и пошел к выходу, даже не оглянувшись: был уверен, что я последую за ним.

Больше он ничего не говорил и не спрашивал. Со временем я привык к способности этого человека оценивать любую ситуацию молниеносно, с одного взгляда.

Вообще-то к нему, к Дону, я испытываю весьма противоречивые чувства. Это непросто объяснить в двух словах, однако попытаюсь.

Дон годится мне в отцы. До начала всех этих реформ, которые и развалили благополучно тоталитарную систему, он был преподавателем истории в университете и жил, можно сказать, довольно сносно.

Для дельца он недурственно образован и вылощен. Если внимательно приглядеться, сквозь налет светской шелухи, сквозь то, что он на себя напускает, пытаясь сохранить начинающий увядать облик, можно обнаружить пытливый ум и беспомощный сарказм.

За это я его здорово уважаю, в некоторых случаях – боготворю, поскольку довольно часто он проявляет умение угадывать события на двадцать ходов вперед и чуть ли не читать мысли.

Кроме того, я его ненавижу – иногда. Потому что он, как мне кажется, может переступить через близкого человека, чтобы поднять ногу на очередную ступеньку своего благополучия.

А еще он не верит ни в какие проявления высоких чувств. Всегда все опошлит и принизит до земного уровня, как сам он выражается – до уровня сточной канавы. За это я иногда готов его укокошить, ведь есть вещи, которых нельзя касаться, предварительно не помыв руки с душистым мылом.

А вообще, по сценарию, я должен быть предан Дону душой и телом. Потому что, как вы поняли, он мой благодетель. Он подобрал меня, вывел из состояния запоя – и только лишь потому, что когда-то был другом моего отца. Очень давно – тогда меня еще не было.

И еще один нюансик. Моя мать когда-то училась в том самом университете, где Дон преподавал историю. И... короче, была она невестой Дона, а потом ее, образно выражаясь, отбил мой папа, хотя и был лучшим другом Дона.

Об этом Дон мне проболтался как-то спьяну, под настроение. Но, насколько я знаю, он в любом положении не теряет способности сохранять ясность сознания, даже если и сильно пьян. Вот так.

И еще. Мои родители погибли в автокатастрофе всего около года назад, до начала моей службы у Дона. Так вот: Дон на похороны не пришел – я не видел его, не помню. Очевидно, он был занят: дела какие-нибудь проворачивал или еще чего...

Да, так вот, значит, сказал он мне и вышел, а я, как говорят, тормозил, решал, стоит с ним ехать или послать его подальше, такого вот самоуверенного. «Беру с собой... Поехали...» А я не вещь! Ясно?!

И еще мне не понравилось, что он, перед тем как уйти, забрал снимок, который вытаскивал из альбома, и буквально прикарманил – положил в карман дубленки. Больше этого снимка я не видел никогда, но хорошо помню, что на нем была запечатлена мамина группа в день выпуска из университета.

На этом снимке мама стояла рядом с молодым стройным мужиком кавказского типа. Как она мне говорила, это был преподаватель истории. Знаете, как дети пристают: «Мама,

мама, а кто этот дядя рядом с тобой? Это твой жених?» Позже, когда я вспомнил про прикармливание снимка, догадался, что тот историк и есть Дон, Донатан Чанкветадзе.

Все-таки я решил последовать за своенравным типом и вышел из дому, ничего не взяв с собой. Нечего было, все пропил. И даже, кажется, не запер дверь – черт знает когда в последний раз видел ключи.

Я сел в автомобиль и через некоторое время оказался в двухэтажном особняке. А еще спустя короткий промежуток времени я сидел один в какой-то диковинной ванне, ранее виденной мной только в фильмах, – она была круглая такая, здоровенная, доверху наполненная пенной ароматной водой, которая каким-то чудесным образом бурлила вокруг меня.

Немного привираю: я был не совсем один. Меня мылила и терла какая-то женщина, молодая и сильная, поскольку сам я, полежав в горячей воде минут пять, что-либо сделать с собой был не в состоянии. Она тут же, вытащив голову за борт, стригла и брила меня, затем снова принялась за мытье, во время которого я умудрился пару раз заснуть – так расслабился. После того, как она меня вытерла и одела в иноземный спортивный костюм, я очутился за столом.

Передо мной были какие-то фрукты, зелень, мясо и куриный бульон. От вида и запахов пищи я вдруг снова до страшной боли внутри ощутил голод. Я начал что-то глотать, даже не успевая разжевывать, но тут же почувствовал острую резь в желудке, такую сильную, что не выдержал и застонал. После этого у меня все отняли, напоили куриным бульоном и затащили куда-то наверх, где запросто, без церемоний бросили на кровать.

Я уснул и проспал до обеда следующего дня, что меня позже удивило, поскольку накануне я ведь не трудился до потери сознания, а только валялся на своем продавленном диване и пытался умереть с голоду.

Проснувшись, я был до отвала накормлен, после чего опять завалился спать. А поздно вечером, наконец-то выспавшись, я поднялся удивительно бодрый и казался себе таким свежим и чистым, каким не был никогда в жизни.

После того как примитивные потребности были удовлетворены, я начал размышлять. Вернее, процесс шел и раньше, с того самого момента, как я попал в этот дом, но как-то вяло. Неопределенно, как принято выражаться у определенной категории типов, желающих прослыть умниками, – спонтанно.

А сейчас я сидел – чистый, благоухающий немецким шампунем, накормленный хорошей пищей – и потягивал из высокого стакана через пластмассовую соломинку какое-то ароматное пойло с маленькими градусами и большим куском лимона. И соображал.

Ну, положим, этот друг семьи протянул мне руку помощи только из сострадания и в память о моей матери. Может быть. Однако я далек от мысли, что человек, имеющий такой вот дом, – а в этом доме такое, чего я никогда и не видел раньше, – от нечего делать занимается благотворительностью, иначе говоря, бескорыстный альтруист. В противном случае он бы просто не имел такого дома, а жил, как все, в коммуналке или, на худой конец, в бетонной хате на седьмом этаже. Это мое личное мнение, и никто не переубедит меня.

А поскольку это так, значит, у этого типа на меня какие-то виды. Значит, я ему зачем-то нужен, и потому не стоит униженно возносить хвалу за благодеяние, а нужно вести себя с достоинством. Примерно как посол маленькой, но сильной страны на званом обеде у правителя страны большой.

Так я рассуждал, сидя в гостиной на первом этаже, совершенно один на один с коктейлем, и не торопясь разглядывал висящие на стенах картины.

Определившись в общих чертах с моделью поведения, я стал рассматривать детали интерьера и пытался по отдельным предметам раскрыть характер человека, приютившего меня. Если честно, мне не особенно везло в подобных изысканиях, несмотря на то, что я в свое время уделил немало внимания психологии и знал, что хороший психоаналитик, побыв

несколько минут в чьей-нибудь квартире, мог, не видя хозяина, дать ему довольно подробную характеристику.

В данном случае задача была несколько неординарной, поскольку с первого взгляда прослеживались интересные подробности, отличавшие хозяина дома от тех обычных людей, с которыми мне приходилось общаться ранее.

Стены комнаты были оштукатурены под «шубу» и окрашены в светло-зеленый цвет. На них висели полтора десятка небольших картин в деревянных некрашеных рамках и у самого потолка, по периметру – сплошной висячий газон – прямоугольные деревянные корытца с густо посаженными стрелчатými растениями, составленные один к одному, так что образовывался прямоугольный пояс, окаймлявший комнату. Я такого раньше нигде не встречал, и это было для меня как-то своеобразно, ново.

На всем пространстве пола огромной комнаты лежал ковер с густым высоким ворсом и непонятными рисунками – преимущественно зеленой расцветки. Необычным казалось, что стены были, можно сказать, голые, если не считать картин, а пол покрыт ковром. Ведь у нас принято цеплять ковры на стены – даже, если я не ошибаюсь, говорят: «Коврами все стены увешаны», – когда хотят показать крутизну жилища в совковом варианте.

А тут комната не меньше сорока квадратов и – ковер во весь пол. Но самым странным при ближайшем рассмотрении оказалось то, что ковер миллиметр в миллиметр прилегал к плинтусам, а между тем он нигде не был обрезан или подогнут, линии окантовки точно соответствовали общей композиции. Создавалось такое впечатление, что ковер ткали по заказу специально для этой комнаты. Или комнату делали по размеру ковра...

Вот так. Этого вполне хватило бы, чтобы охарактеризовать хозяина как личность неординарную. Или необыкновенную – как вам будет угодно. Но при дальнейшем изучении комнаты обнаружили еще кое-какие детали.

В одну из стен был искусно вделан камин. По-видимому, с целью более декоративной, нежели практической, так как под подоконниками двух окон я обнаружил старого образца чугунные батареи, которые оказались горячими.

Однако камин удивил. Сначала я не разобрал, поскольку находился от него на значительном расстоянии, но потом, когда подошел поближе, даже присвистнул от неожиданности.

Весь большущий каминный зев обрамляла выгнутая синусоидой толстая доска из серебра. Я мог дать голову на отсечение, что это именно серебро, а не какой-то другой металл, поскольку мой дед был гравером и имел дело преимущественно с серебром, а я провёл возле деда некоторую часть своей жизни и сильно интересовался особенностями его ремесла.

Я тут же попытался прикинуть, сколько может стоить вот такая отлитая из серебра дуга, и ничего у меня не вышло. Даже стоимость одного металла превышала самые смелые допуски, а нужно было еще приплюсовать тончайшую, можно сказать, филигранную работу гравера, который усыпал поверхность изящными арабесками.

Но самое непонятное – зачем?! Зачем эта плита, которая стоит огромных денег, торчит здесь на камине? Она выпачкана в саже – по всей видимости, недавно камин зажигали, – потускнела от неухода, и скорее всего мало кто обращает на нее внимание, не зная ее истинной ценности.

Очень интересно мне стало поближе узнать хозяина этого камина, этого ковра, всего этого дома. Я не мог подумать, что он спер эту плиту из какого-нибудь дворца в Петербурге, а ковер стащил, например, из дворца Ширван-шаха в Баку. Это трудно украсть. Деньги – легче. В общем, обзор только одной гостиной навел меня на очень грустные мысли.

Выходило, что хозяин дома украл так много, что этого вполне хватит, чтобы пару раз его расстрелять. А может, больше – я не слежу за ценами на серебро и ковровые изделия.

Мое удивление на этом не кончилось. Изучая камин, я испачкал сажей руки. Оглянувшись, поискал глазами, чем бы их вытереть, и вздрогнул.

В кожаном кресле, которое я покинул, отправившись к камину, теперь сидел сам хозяин дома. Он так неслышно вошел и сел, что я, обнаружив его, не мог не восхититься в душе этим проявлением одной из многочисленных его способностей, о которых мне предстояло узнать позже. Им я восхитился, а на себя разозлился, так как прежде никогда не страдал отсутствием слуха и осторожности.

– Привет, – негромко произнес он и рукой показал на стоящее напротив кресло, приглашая меня сесть. – Тебя заинтересовал мой камин?

Я опустил в кресло и некоторое время внимательно разглядывал своего благодетеля, как будто только что увидел его – владельца ковра и доски из серебра. Он также внимательно меня рассматривал, абсолютно не стесняясь и не пытаясь скрыть своего интереса.

Не знаю, какие мысли были в его голове насчет меня, какое я производил на него впечатление. Расскажу о том, кого видел я. Передо мной сидел спортивного вида мужик лет сорока – больше бы я ему не дал, с чистым и свежим лицом, как у совершенно здорового десятилетнего мальчугана, абсолютно без морщин, за исключением двух глубоких между бровями. Руки он держал скрещенными перед собой, поставив локти на колени. Сидел, чуть сгорбившись, и напоминал хорошо тренированного футболиста, пропустившего пару сезонов. Именно футболиста. Даже и не знаю, почему такое сравнение пришло мне в голову в тот момент.

– Красивый камин, не правда ли? – наконец прервал он молчание и слегка улыбнулся, как бы предлагая мне выразить свое мнение по поводу того факта, что именно у него имеется такой вот роскошный камин.

– Гм!..

Это все, что я смог тогда сказать. Больше ничего на ум не пришло. Несмотря на то что я уже обдумал и решил, как мне себя вести в этом доме, с этим человеком, все же я был несколько подавлен и из-за обнаруженных богатств, и, как я предположил, из-за преступного прошлого человека, который сидел передо мной. Мне вдруг показалось, что он не только уловил мое настроение, но и прочитал мои мысли.

– Вот что... – Он посмотрел на меня, расцепил руки и указал средним пальцем правой руки куда-то в угол. – Пойди помой руки, потом будем разговаривать. Не люблю людей, у которых нечистые руки.

Последние его слова прозвучали, сами понимаете, как – двусмысленно, после чего я еще больше заподозрил у него способность читать мысли. Однако, судя по выражению лица, он и не думал меня уличать, упрекать... И все-таки сказал он о руках, надо признать, не очень вежливо, если предположить, что ничего не имел в виду... Я все же не стал лезть в бутылку и, встав, послушно направился, куда указали. Как-никак я был в его доме и ел его хлеб.

В углу находился маленький бар. В стойку была вмонтирована раковина перламутрового цвета – судя по всему, для мытья посуды. Помыв руки, я быстро изучил содержимое бара и нашел, что тут есть на что обратить внимание и чему удивиться, несмотря на нынешнее изобилие нерусского питья даже в обычных палатках.

Похоже, хозяин неплохо разбирается в алкогольных напитках. Но он также хороший психолог и весьма наблюдателен, в чем я имел возможность еще раз убедиться. Я не поворачивал головы в его сторону, однако он успел заметить, что я бросил взгляд на бутылки, причем одну даже невольно тронул рукой. Но ему этого, видимо, хватило, чтобы понять мое настроение и мое удивление.

Я опять вздрогнул, когда сзади раздалось:

– У тебя хороший вкус. Открой этот «Двин», и давай выпьем.

Я перепробовал море напитков за свою короткую жизнь и понял, что «Двин» занимает в моем сердце первое место. Точнее, в желудке. Я имею в виду, конечно, настоящий «Двин», а не суррогат, который гонят в Дагестане, продувая под большим давлением спирт через дубовые опилки.

И вот этот удивительный человек говорит мне о моем любимом напитке.

Я не выдержал и обернулся. Он не шутил, лицо сохраняло бесстрастное выражение. Черт-те что! Он действительно мысли читает?!

Позднее мне предстояло еще не раз испытать подобное чувство. Я так и не сумел привыкнуть к его внезапным «разоблачениям» и вполне серьезно поверил в существование таких выдающихся людей, как, например, Шерлок Холмс, хотя раньше считал все это... как бы помягче выразиться... ну, в общем, плодом разыгравшейся фантазии.

А в тот раз я тяжело вздохнул, потому что именно на этот коньяк обратил внимание. В баре стояли самых причудливых форм сосуда с интригующими этикетками. Среди них я сразу увидел простую поллитровку с длинным горлышком и дрянной этикеткой, кое-как приклеенной, на которой коряво было написано, что этот напиток – коньяк «Двин» производства Молдавии. Не Молдовы, а именно Молдавии.

Так вот, я тяжело вздохнул, снял с верхней полки два коньячных фужера и налил в каждый на одну треть золотистой жидкости. Потом немного подумал – совсем немного, буквально пару секунд, – открыл маленький холодильник, оформленный под тумбу, обнаружил на дверце две плитки немецкого шоколада и половинку лимона, извлек все это и вместе с фужерами поставил на овальный поднос. Я не определил, из какого металла он сделан, но был он очень блестящий и весь покрыт затейливыми узорами.

Через минуту поднос оказался на низком столике между креслами, в одно из которых я осторожно уселся.

Хозяин взял фужер и, сделав маленький глоток, продолжал разглядывать меня, как бы оценивая. Я тоже взял свой фужер, поднес его к лицу и несколько секунд вдыхал аромат напитка – прекрасный, надо вам сказать, аромат: так коньяк делали только при коммунистах и то не везде. Насладившись ароматом, я тоже отпил чуть-чуть, подержал во рту, ощущая любимый вкус, и с удовольствием проглотил.

– Ты пока оправдываешь мои ожидания.

Хозяин говорил с едва заметным акцентом, который речи не портил, а, напротив, придавал ей какой-то оттенок аристократичности. Кроме того, он произносил слова медленно, практически разделяя их по слогам, отчего фраза казалась весомой и чувствовалось, что этот человек здорово уверен в себе.

– Пока...

Он прервался, очевидно, полагая, что я спрошу, какие такие его ожидания оправдываю. Я не стал доставлять ему удовольствие и скромно промолчал.

– Похвально... Ты даже лучше, чем я предполагал. – На этот раз, как мне показалось, его голос звучал с едва заметной досадой. – Мы находимся в этой комнате более десяти минут. Я за это время сказал много слов, а ты ограничился единственным междометием... Ну ладно. – Он развел руками: дескать, вот неблагодарная скотина, даже говорить не желает. И продолжал: – Ты хорошо воспитан, сдержан, осторожен не по возрасту – возможно, в жизни у тебя было много испытаний, которые приучили взвешивать каждое решение и не давать воли эмоциям. Ты хорошо владеешь английским и прекрасно подготовлен физически – так по крайней мере меня проинформировали – я наводил справки. Кроме того, ты сейчас крепко сел на мель, тем не менее не лебезишь и держишься с достоинством, но не вызывающе. Это неплохо. В общем, ты меня устраиваешь.

И тут он прекратил свою речь, расцепил руки и сделал правой такое движение, как будто выбросил окурок – слева направо, легка растопырив пальцы – холеные пальцы с

аккуратно подстриженными ногтями аристократической, как утверждают, продолговатой формы. Потом допил коньяк.

Мне совсем не понравилось, что меня разложили по полочкам, абсолютно не стесняясь моим присутствием, однако я счел нужным прекратить молчание, а то мой благодетель, чего доброго, сочтет, что я подвержен мании величия.

– Знаете... – начал я и замялся. Он сообразил, почему.

– Дон, просто Дон. Ты можешь звать меня так. И обращай на «ты», без стеснения. Я люблю простоту в общении.

– Но вы старше меня, и потом... разница в положении, – промямлил я и тут же обругал себя: проклятая армейская привычка строго выдерживать дистанцию, очевидно, останется у меня до конца жизни.

– Ну зачем об этом? – спокойно произнес он и недовольно нахмурился, впервые за время общения проявив эмоции. – Я прекрасно знаю, что уже немолод, и не надо напоминать мне. Хотя возраст тут вовсе ни при чем. Мне просто хочется, чтобы у нас с тобой как можно быстрее установились близкие отношения, чтобы возникло взаимопонимание. Кроме того, я уже сказал, что мне нравится простота в общении. Разумеется, эту простоту я позволяю не всем. Ты должен это учесть. А что касается возраста, мне гораздо больше, чем можно дать на вид. Я старше твоей матери на девять лет...

Тут он прервался, испытующе глянув на меня: как я отреагирую на упоминание о матери. Я отреагировал. Он кивнул головой и продолжал:

– Да-да. Мне сейчас 58 лет. – Он развел руками и слегка поклонился – вот какой, дескать, молодец. – А выгляжу на сорок с небольшим. Стараюсь. Поэтому сделай милость, обращай ко мне на «ты» и называй меня Доном.

– Хорошо. – Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. – Если ты позволишь, Дон, я хотел бы задать несколько вопросов.

– Пожалуйста. – Он слегка прикрыл глаза и всем своим видом показал, что готов отвечать на самые дурацкие вопросы, которые я пожелаю ему задать.

– Я хотел бы знать, кто вы... какое отношение ты имеешь к моей семье?

– К семье?! – Он как будто даже удивился. – К семье никакого, можешь не волноваться, если ты об этом. Твоей матери я преподавал историю в университете, а твой отец был моим другом. Затем твой отец женился на твоей матери, и они зажили отдельной от меня жизнью. С тех пор мы не общались. Так что к твоей семье я никакого отношения не имею.

– Понятно... – несколько растерянно пробормотал я, хотя на самом деле ничего понятно не было. Я до сих пор даже и не знал обо всем этом. – И потому... ты решил помочь мне?! Из чувства уважения к моим родителям?

– Считаю, что так, – как-то лениво ответил Дон, и я понял, что он не желает продолжать разговор на эту тему.

– Ну хорошо... А какую работу ты мне хочешь предложить?

Дон хмыкнул. У него это вышло так, будто он произнес отдельно «х» и «м», абсолютно без эмоций.

– А тебе не все равно? Насколько я знаю, после того, как ты распрощался с армией, тебе не пришлось особо привередничать в плане добычи средств к существованию. Инкассатором работал, неделю мешки разгружал, а на последнем этапе кризиса бутылки собирал возле кафетерия...

Дон умолк, насмешливо разглядывая меня в упор. Как владелец богатого амбара со жратвой, в котором вдруг завелись мыши. И вот он, этот владелец, поймал на улице облезлую приبلудную кошку и притащил ее в свой амбар – довольно комфортабельный по сравнению с сырой и холодной улицей. Единственная цель – чтобы кошара отловила и сожрала мышек, которые грызут его мешки с крупой. А тут вдруг кошка, вопросительно глядя на толстую

рожу владельца, начала мяукать: дескать, чего это ты меня сюда притащил? Что я должна делать?

Мне стало обидно. Потому что сейчас я был сыт, чист, хорошо одет и чувствовал себя человеком, который чего-то стоит в этом мире. Наверное, если бы Дон сказал это немного раньше, до того, как меня привели в чувство, я безропотно бы все стерпел и согласился на любое предложение – даже такое... ну, предположим, укокошить кого-нибудь...

– Да, все понятно. Спасибо за гостеприимство. Мне пора.

Я встал из кресла и с достоинством, как мне казалось, направился к выходу, стараясь держать голову ровно и гордо смотреть прямо перед собой. Возле двери я задержался на секунду и, медленно обернувшись, изрек:

– Кстати, уважаемый Дон, я не объел вас случайно? Если вы так считаете, можете составить счет. Я оплачу, когда заработаю...

Как ни странно, этот проклятый грузин разулыбался – хорошей такой улыбкой, обаятельной и обезоруживающей. Улыбка преобразила его, и это было удивительно: насколько простейшее проявление эмоций может изменить лицо человека, раскрыть его внутренний мир.

– Гордость – это хорошо. Это значит, что ты не будешь пресмыкаться перед сильным и не продашься тому, кто больше заплатит. – Дон как будто мыслил вслух, не обращая ко мне. – Очень хорошо. Даже в такой безвыходной ситуации ты не стал терпеть обиду и решил уйти, а не сыграл. Я в этом разбираюсь... Да.

– Отчего же безвыходное? – упрямо поинтересовался я. – Очень даже выходное: выхожу, и все – привет, благодетель, пишите письма!

– Нет, безвыходное. – Дон убрал улыбку. – Ты не можешь выйти отсюда, потому что твою вшивую одежду сожгли. А сейчас ты хочешь уйти в моем импортном спортивном костюме? Это грабёж, юноша, статья 145 УК России. Так-то вот. А голым тебе отсюда не уйти. Вряд ли, верно? На улице зима, и милиция не позволит голым перемещаться по городу. Думаю, нет необходимости доказывать дальше, что положение у тебя безвыходное.

На несколько секунд воцарилось молчание. Дон опять улыбался. А я вдруг понял, что никуда отсюда не уйду, потому что... кто же от добра уходит? Я представил свой дом – без тепла и уюта, чего было в избытке здесь, в жилище своего нежданного благодетеля. Представил и понял, что не желаю возвращаться обратно голым и без гроша в кармане, метаться в поисках работы, которая даст нищенский кусок – не более. Вот так.

Понял и осознал, что буду работать на этого умного дядю. Только вот трудновато придется – перестраиваться под «шестерку». Не умею я этого, не могу. Я привык жать своей волей на психику подчиненных, добиваться повиновения, командовать вооруженными людьми, иногда теряющими человеческий облик и понимающими только язык грубой силы.

– Трудно будет перестраиваться под «шестерку», – задумавшись, сказал я вслух.

– Не надо под «шестерку», – покачал головой Дон и жестом пригласил меня вернуться на прежнее место. – Зачем под «шестерку»? Я ничего еще не предложил.

– А что вы мне можете предложить? – Я пожал плечами. – Работать телохранителем или, на худой конец, водителем... Ведь вы коммерсант, я полагаю? Торгаш или деляга...

– Мы договорились обращаться на «ты», – поправил меня Дон. – Я не деляга в том смысле, который ты вкладываешь в это слово. И не торгаш. Я – президент фирмы, довольно солидной, с большими связями и огромным по нынешним масштабам капиталом. Администратор. В шоферах я не нуждаюсь – штат укомплектован. А насчет телохранителей... В моей фирме хорошо налажена служба безопасности во главе с профессионалом, которая насчитывает 42 человека охранников и собственно телохранителей. Общее количество человек, работающих на фирму, – более трех с половиной тысяч. Из них в различных службах заняты 285 человек. Только в головном офисе у меня работают 62 человека. Поэтому в каче-

стве клерка ты мне тоже не нужен. Да у тебя и образования соответствующего нет. Мне нужен товарищ. Понимаешь?

Я покачал головой, собираясь вставить, что, мол, товарищи все перевелись в августе 1991 года, а теперь только господа и граждане, но он досадливо поморщился и опять ошарашил:

– Ты хочешь сказать, что товарищи все повывелись в августе 91-го, я знаю. Я не то имел в виду. В общем, мне нужен помощник – честный, порядочный, хорошо воспитанный, предпочтительно со знанием английского, поскольку придется часто встречаться с представителями инофирм.

– А вы сами?

– Сам я, кроме русского и грузинского, языками не владею. А когда пользуешься услугами переводчика, не можешь быть уверен, что он не агент конкурирующей фирмы.

– Да, это я понимаю.

– Кроме всего прочего, неплохо, если этот товарищ хорошо ориентируется в экстремальной ситуации и может в случае чего защитить.

– Но ведь у вас столько телохранителей.

– Телохранителей не всегда можно брать на некоторые мероприятия. Потом телохранители имеют свойство покупаться теми же конкурирующими фирмами. Ну и еще масса нюансов. Бывают такие поручения, которые никому, кроме самого верного человека, доверять нельзя. Понимаешь?

– Значит, я получаю должность «верного человека».

– Считаю пока, что так. В структуре фирмы твоя должность будет именоваться «личный секретарь президента».

– Разве у тебя нет секретаря?

– Я не вводил должность личного секретаря, считая до недавних пор, что могу обойтись без него. Но я устаю, и мне нужен молодой сильный товарищ, который часть моих проблем возьмет на себя.

– Это при том, что только в главном офисе работает больше людей, чем в каком-нибудь магазине?

– Все мои помощники и заместители, все начальники отделов имеют соответствующее образование и определенные стремления. Если я буду допускать ошибки, это нанесет ущерб и делам, и моему авторитету.

– А почему кто-то из помощников не может взять на себя функции секретаря?

– С недавнего времени я стал искать человека в своей среде, долго прикидывал, перебирал и пришел к выводу, что нужно брать со стороны, нейтрального, так сказать. И чтобы этот человек обладал всеми теми качествами, что я перечислил раньше. Выбор пал на тебя.

– Так неожиданно...

– Ты мне подходишь еще и потому, что будешь зависеть от меня: в моем успехе будет твое процветание, это нетрудно организовать. А еще я спас тебя. Возможно, от смерти, а уж от нищеты – это точно. Надеюсь, ты не из тех людей, которые такое забывают. Мне не нужно каких-то проявлений благодарности. Просто будь самим собой.

– То есть?

– Насколько я могу о тебе судить, ты человек порядочный.

– Спасибо.

– Ничего унижительного в твоих функциях не будет. Я дам тебе отдельный кабинет, наделю необременительными обязанностями, чтобы не особо бросалась в глаза твоя главная задача – поддерживать меня во всем.

– А вдруг я вообще не смогу? Я ведь никогда в офисах не работал.

– У тебя будет испытательный срок – две недели. Я еще присмотрюсь к тебе, проверю в разных ситуациях, хотя думаю, что первое впечатление – самое верное. Об оплате и прочем позже договоримся. Так как?

– Я согласен.

Голос мой прозвучал твердо и успокаивающе: дескать, не дрейфь, старина, прорвемся. Это мне знакомо, это мне нравится – помогать, защищать...

– Ну вот и отлично!

Дон как-то устало потер лоб.

ГЛАВА 5

Поначалу мне у Дона пришлось туговато. Начнем с того, что в своей предыдущей жизни я привык работать до седьмого пота, надрывая мышцы и глотку, рискуя здоровьем, а подчас и жизнью, чтобы добиться определенного результата.

В армии, которую все, кому не лень, ругают и называют не иначе как «насквозь прогнившей» и «безнадежно устаревшей», как это ни покажется странным, люди вкалывают больше, чем на гражданке. Не знаю, как наверху, а внизу вкалывают. Конечно, при наличии умного командира, который умеет заставить подчиненных эффективно и с пользой трудиться.

В спецназе дураков-руководителей не держат, можете мне поверить на слово. Если это вас не устроит, сходите, пообщайтесь лично. Затем – наличие вполне конкретного результата: либо есть, либо нет. Либо ты научил своих пацанов всему, что необходимо, и сумел подготовить их так, что операция прошла без сучка без задоринки, либо завалил операцию и есть жертвы. В первом случае никто тебе не даст орден и не вознесет до небес – это норма, твоя работа. Во втором случае с тобой будут тщательно разбираться, а потом хорошо если ткнут в другое место или уволят, а могут отдать под суд – все будет зависеть от степени виновности и от количества жертв.

В общем, цель вполне ясна, понятны способы и средства ее достижения. Обстоятельства существования не дают возможности всерьез задуматься над альтернативами и сделать соответствующие выводы – настолько высок темп этого самого существования. Так я жил более пяти лет и привык к ощущению опасности, ответственности (за дело и за людей), к постоянному напряжению.

Я уже рассказывал, что со мной случилось позднее. Если меня спросить, что было тяжелее пережить – уход из армии, с которой теперь связано столько воспоминаний, или потерю любимой женщины, я отвечу, что... Не знаю. Не знаю, что тяжелее, поверьте. И то, и другое – как из машины на ходу выпрыгнуть. Повезет – отделаешься ушибами или переломами, а не повезет... Мне, похоже, повезло.

Было время, когда я не находил себе места, сходил с ума. Когда казалось, что жизнь кончилась, все дальнейшее бессмысленно. Еще позже имел место запой, чему я теперь сам удивляюсь, поскольку с детства ненавижу алкоголиков, тех, кто пьет без меры и без чувства. Я считаю, можно выпить иногда чуть-чуть хорошего вина, хорошего коньяка – для настроения, для удовольствия. А мой запой был вызван весьма серьезной причиной, хотя, согласен, это меня не оправдывает. Но оправдываться я ни перед кем не собираюсь. Только разве перед самим собой.

Представьте себе, что женщина, которую вы боготворите, в один прекрасный день оказывается потаскухой. Из-за этого вы бросаете работу, которая вам очень нравилась. А позже ваши родители, в самом расцвете сил, здоровые и жизнерадостные, внезапно погибают в автокатастрофе и у вас на этом свете совершенно никого не остается...

И все-таки я выжил. Захотел выжить – и выжил. Пусть и с чьей-то помощью. В сомнамбулическом состоянии я вынырнул в здоровенной ванне гостеприимного дома и, обнаружив, что меня взяли на службу, приготовился работать, как привык, – с полной отдачей, с напряжением.

Утром Дон привез меня в офис, предварительно вручив в обстановке, далекой от торжественной, полный прикид – трусы, носки, майку, сорочку, деловой костюм и дубленку с норковой шапкой, сообщив, что это – в счет аванса.

В офисе он представил меня начальникам отделов, собравшимся в его кабинете: мол, личный секретарь, прошу любить и жаловать. Начальники пожали мне руку и разошлись, а меня Дон проводил в маленький кабинет, дверь которого выходила в приемную-холл.

– Твое рабочее место, осваивайся, – сказал Дон и ушел, бросив меня на произвол судьбы.

Итак, мое новое рабочее место. Комната пять на три, два стола буквой Т, два мягких полукресла и компьютер. Да, еще огромный трехсекционный сейф без ключа.

Наличие сейфа и компьютера настораживало и давало повод предположить, что мне придется заниматься глобальной аналитической работой и обладать большим количеством секретов, каковые, несомненно, предстоит хранить в этом самом сейфе. Ничего, справимся!

Я хотел тут же отправиться к шефу, чтобы потребовать ключ от сейфа, но в приемной обнаружил скопление посетителей. Они непременно ломанулись бы в кабинет президента фирмы косяком (поскольку у каждого было срочное, неотложное дело), если бы двери кабинета не оберегала молодая и очаровательная секретарша, которая на удивление ловко справлялась с напористыми деловарами и поддерживала порядок, обворожительно улыбаясь непрерывно, как запрограммированный на положительные эмоции робот.

Хм... Ключ. Ладно, пока обойдемся. Я уселся за стол и стал ждать указаний, с интересом наблюдая через приоткрытую дверь кабинета за посетителями.

Спустя некоторое время ждать надоело и я впал в легкую панику: а может, про меня просто забыли? Ближе к концу рабочего дня я наконец уловил момент, когда поток посетителей начал иссякать, и нахально вперся к шефу, потребовав разъяснений по поводу своего положения.

Недовольно поморщившись, он очень кратко объяснил мне, что на данном этапе у меня нет обязанностей и я ни за что не отвечаю, но передо мной стоят три задачи, при невыполнении которых меня немедленно выпрут.

Первая и наиглавнейшая – не лезть куда не просят. Вторая – выполнять все его распоряжения. Третья – самообразовываться и вникать туда, куда будет указано.

После чего меня вежливо попросили покинуть кабинет: дескать, не до тебя сейчас, парень.

Вот так. У меня появились: небольшая, но уютная комната с компьютером, возможность беспрепятственно пользоваться любой машиной фирмы вместе с водителем при условии, что она не понадобится другим, зарплата за четыре недели вперед и вагон времени, которое я мог использовать как мне заблагорассудится.

Так прошел мой первый день работы в фирме – официально он длился с 9.00 до 17.00 с получасовым перерывом на обед.

В 17.10 я обнаружил, что шеф продолжает работать, и, рискнув еще раз вызвать его неудовольствие, сообщил, опять же по укоренившейся армейской привычке, что если я ему не нужен, то желал бы отправиться домой. И нельзя ли мне воспользоваться машиной? Что? Убираться подальше вместе со всеми машинами? Это хорошо.

Я не стал заставлять шефа повторяться и занял его «вольво», приятно отметив для себя, что после моего звонка в гараж до появления авто перед входом прошло не более полутора минут и водитель очень вежливо поинтересовался, куда бы я желал ехать, – на полном серьезе.

По дороге домой я от избытка чувств тормозил перед каждым мини-маркетом и в результате накупил кучу всякой дребедени – ранее у меня на руках никогда не было такой суммы: она раза в четыре превышала мою последнюю офицерскую получку даже с учетом инфляции (я не беру в расчет чужие деньги, которые возил будучи инкассатором).

А когда машина остановилась у калитки моего двора, я вдруг вспомнил, что в доме – запустение, нет угля, чтобы протопить печь, и скорее всего входная дверь нараспашку.

Вот идиот! Я пробыл у Дона три дня и, поскольку там было очень хорошо, перестал беспокоиться о своем заброшенном доме, будто особняк Дона стал и моим жилищем.

Порядком приуныв, я решил зайти взять кое-какие вещи и ехать в гостиницу. Ясно, что дом в том виде, в каком я его покинул, был непригоден для жилья: его необходимо было привести в порядок. А возвращаться в особняк Дона не хотелось: я не из тех, кто может злоупотреблять гостеприимством малознакомых людей, даже если эти люди сами протягивают тебе руку помощи.

Сказав водиле, чтобы обождал пять минут, я направился к калитке и привычно пихнул ее ногой: она болталась на одной петле и открывалась только путем приложения стопы на уровне колена – и то с сильным доворотом бедра. Калитка, к моему удивлению, не распахнулась. Озадаченно пожав плечами, я пошарил рукой и обнаружил, что пружинная щеколда, сломанная около полугода назад, в настоящий момент находится на месте и кем-то исправлена. Более того, у калитки появилась и вторая петля и, что уж совсем меня удивило, не было слышно ни малейшего скрипа.

Сразу же мелькнула тревожная мысль: заселились! Дом-то большой, добротный, с обширным двором – просто я его загадил здорово. Меня не было три дня, а желающих сейчас навалом.

Я пересек двор и подергал за ручку входной двери: заперто. Обойдя дом, я отметил, что кто-то убрал во дворе снег, а в окне с задней стороны сквозь шторы виден свет торшера в кабинете отца. Я хорошо помнил, что выкрутил лампочку из этого торшера пару месяцев назад для того, чтобы заменить перегоревшую в прихожей.

Точно! Заселились, скоты. Ну ничего, вы очень пожалеете об этом, прямо сейчас. Рысцой вернувшись к крыльцу, я легонько постучал указательным пальцем в окошко веранды. Тишина. Тогда – кулаком в дверь.

Через несколько секунд я услышал молодой мужской голос:

– Чего барабаните? Звонок есть!

Так-так, парень лет 25—30, крепкого телосложения, психически уравновешен, не нервничает – автоматически пронеслось в голове бегущей строкой. Нас учили определять по голосу, что за фрукт находится по ту сторону двери или стены: иногда от этого зависит твоя жизнь и жизнь тех, кто рядом... Ага! А еще я обратил внимание, что захватчик наладил звонок. Поторопился, урод!

– Открывай, – довольно спокойно скомандовал я и присел в стойку на крылечке, прикидывая, порвутся брюки от костюма, который одолжил мне Дон, или нет, если я сильно ударю ногой по двери на уровне пупка.

Брюки не порвались. Но не потому, что были качественно сшиты. Просто ударять не пришлось. Дверь послушно растворили и сказали:

– Прошу! Вот ваши ключи. Было велено передать и опосля уматывать. Что и будет сделано.

От такого поворота я несколько опешил и дал субъекту беспрепятственно выйти, слегка при этом посторонившись и даже не успев разглядеть его как следует.

Войдя в прихожую, я так и не выпал из состояния сильного недоумения, граничащего с легким шоком, и продолжал чисто машинально накапливать информацию, не решив пока, как прореагировать на происходящее.

Вы не пробовали своими силами делать ремонт порядком загаженного особняка? Если даже и не пробовали, то, наверное, имеете представление, как все это выйдет и сколько нужно для этого затратить материалов, труда и времени.

За три дня в доме было произведен полный ремонт. Будто куда-то к чужим зашел. Сопоставив цены и объем работ, я пришел к выводу, что тут трудилась бригада человек десять как минимум и обошлось все это мероприятие лимонов... ну, вы понимаете, надеюсь.

Подробно описывать не стану. Все было не хуже, чем у Дона. Еще немного пахло краской, лаком... На стенах очень аккуратно наклеены дорогие обои – по-моему, финские или германские, знаете, тисненные такие, с выпуклостями. Вместо истертого оргалита на полу во всем доме поблескивал двухцветный паркет.

Пока я топтался в прихожей, заглядывая в комнаты и не решаясь пройти, появился парень, который меня впустил. Он приволок пакеты со снедью из мини-маркетов, оставленные мною в машине.

Я разглядел его получше. Точно, лет 25—26, рост 175, уши сломаны – борец, ноги ставит косолапо, движется раскованно, но тяжеловато – бывший мастер спорта или что-то в этом роде.

Он сгрузил пакеты на столик в прихожей и, заметив мой вопросительный взгляд, сообщил:

– Я только вас ждал. Если претензий нет, испаряюсь. Да, Донатан Резоевич просил предупредить, что это оборудование фирмы. – Он указал пальцем в сторону отцовского кабинета, а потом, как и обещал, испарился.

Противоречивые чувства охватили меня. Сначала свалилась гора с плеч: значит, все это Дон устроил, а вовсе никто не заселился. Затем к горлу подкатил теплый комок: обо мне никто так не заботился никогда. Вместе с тем что-то тревожно щелкнуло в сознании: анализатор включился... А за какие такие достижения я удостоился внимания, заботы и этих материальных благ? Только за то, что я сын своей матери? Сомнительно, очень сомнительно.

Войдя в кабинет отца, я присвистнул. Здесь стояла новая мебель орехового дерева – здоровенный стол, два книжных шкафа со стеклянными дверцами, тумбочки. Кресло на колесиках, обтянутое мягкой шероховатой кожей, с никелированными рычагами для изменения положения спинки и высоты сиденья. И айбиэмка – точно такая же, как у меня в офисе. Фантастика!

Я вышел из кабинета, подошел к входной двери и запер ее, решив, что новый засов, пожалуй, слишком массивен. Затем отметил, что шторы на окнах новые, но той же расцветки, что и раньше, и легко управляются шнурами: один сдвигает, другой раздвигает.

Постоял, потягал шнуры туда-сюда, прислушиваясь к внутреннему беспокойству, стараясь оценить степень его объективности. Ого! Обнаружил между рамами красивые, сплетенные в узор решетки. У нас никогда не было решеток: только полный шиз мог додуматься залезть в хату зампрокурора области.

Не очень удивился, когда, раскрыв на кухне кем-то тщательно отмытый холодильник, обнаружил, что он набит нерусскими консервами, колбасами и напитками. Оп! Выдернул из двери бутылку пива, прихватил банку голландской ветчины и направился в кабинет, засунув пиво под мышку и открывая на ходу ветчину ключиком.

В кабинете плюхнулся в кресло – удобно! Раскупорил бутылку – зараза, стакан прихватить не додумался. Вставить не хотелось – сделал из горла мощный глоток, немного подышал, смакуя, и, вдруг почувствовав голод, в 20 секунд сожрал ветчину, пальцами выковыривая из жестянки нежное розовое мясо. Расслабился, вытер пальцы об майку и стал соображать.

Ясное дело, что не каждого своего потенциального сотрудника Дон обхаживал таким образом. Он примчался по моему первому звонку, узнав, что я сын Анны Федоровой, женщины, которую, возможно, он когда-то любил... Тут все понятно. Но ведь это было черт знает как давно! Неужели только поэтому?..

Я взял жестянку из-под ветчины и отправился на кухню, где вымыл руки, захватил еще пива, пару банок с какой-то дребеденью – попробую. Взял еще тарелку, вилку, нож и вернулся в кабинет.

В том, что мне предложат заниматься незаконной деятельностью, я не сомневался. В наше время только сильно увлеченные люди (фанаты) или дебилы трудятся в законных сферах, получая на пропитание жалкие гроши. Сам таким был. Но ведь я еще ничего не сделал для фирмы. За что же эти блага? Отдельный кабинет с компьютером. Ремонт в доме проведен по первому разряду... Нет, так не бывает.

А может быть, он гомосек?! И я ему понравился. Во! Почему бы и нет? Человек его достатка и возможностей вполне способен позволить себе такую маленькую слабость. Тут я припомнил многочисленные анекдоты...

Стоп, стоп! Прокачав характеристики Дона, можно с уверенностью утверждать, что он страстный поклонник женской плоти. Да вот хотя бы как он глянул на секретаршу, когда я зашел спросить, нельзя ли мне уже смотаться из офиса. А ведь он был уставшим после напряженного дня и по горло занят, да еще и раздосадован тем, что я приперся и его отвлек. Тем не менее он выкроил несколько секунд, чтобы мысленно с рыком засадить секретарше, которая вошла вслед за мной, – по его взгляду это и дурак мог понять.

Я даже поразился, откуда столько страсти в его возрасте? Тогда мне показалось, что он сейчас выгонит меня и того полулысого типа, что сидел напротив, запрет дверь и, грубо бросив секретаршу на стол, с треском разорвет юбку, трусья и начнет активно совершать коитус, рыча и кусая нежные плечи.

Да, именно это я прочел в его глазах. Сам такой, понимаю я это дело. Нет, вариант с гомосексом отпадает. Значит, все же любовь к моей матери? Хм... Немного поразмышляв, я пришел к выводу, что в таком случае факт моего существования должен быть для Дона неприятным напоминанием о том, что его некогда любимая женщина принадлежала другому, ведь я сын своего отца. Любовь тоже отпадает.

Остается предположить, что Дон, человек вдумчивый и прозорливый, определенно рассчитывает в недалеком будущем извлечь из истории со мной ощутимую выгоду – на несколько порядков превышающую затраты на ремонт и мое содержание. Возможно, он просчитал мои возможности при помощи какого-нибудь хитрого западного тестирования и решил, что я тот, кто ему особенно необходим. И прямо сейчас.

Такая версия все объясняла и, пожалуй, самое главное, приятно тешила мое самолюбие. Именно потому-то я на ней остановился и не стал более вдаваться в подробности.

Напившись немецкого пива, я почувствовал, что немного захмелел. Захватил с собой одну бутылку на случай, ежели ночью вдруг возникнет жажда (со мной такое бывает иногда), выключил везде свет и отправился спать...

Вот так началась моя работа у Дона. Ежедневно я прибывал в офис к 8.50, встречал в приемной хозяина, который изучающе меня оглядывал: наверное, у него были подозрения, не бухаю ли я по-прежнему. Но вид я имел вполне товарный.

Я вообще выгляжу нормально, даже на следующий день после крепкого перебора – следствие прежней отменной подготовки.

Убедившись, что отклонений не наблюдается, шеф как-то неопределенно хмыкал, чем всегда приводил меня в настороженное состояние (никогда не поймешь, что означает его ухмылка), и уходил в кабинет работать.

Насколько я понял, в тот период у моего покровителя возникли серьезные производственные проблемы. К нему толпой валили какие-то нахрапистые типы. Каждым двум из трех я бы с удовольствием дал в репу. Наблюдал за их поведением через приоткрытую дверь своего кабинета. Шеф постоянно проводил совещания и частенько куда-то выезжал – без меня.

Некоторое время помаявшись, я решил сам найти себе занятие. И нашел. А одновременно проверил степень устойчивости своего положения – посредством анализа независимых мнений.

Для начала я прошвырнулся по офису. Обнаружил в одном кабинете щуплого прыщавого типа а-ля Плюмбум в огромных очках и с неуставной прической, который наяривал на клавиатуре компьютера. Вежливо попросил его обучить меня азам обращения с ненашей чудо-техникой.

Варианты ожидаемой реакции были следующие: «Отвали, не до тебя», «Как-нибудь потом», в лучшем случае – «А что я с этого буду иметь?». При любом раскладе я бы не обиделся.

Щуплый (позже я узнал, что он имеет имя Макс и работает оператором-программистом) секунд пятнадцать пристально смотрел на меня, беззвучно шевеля губами, а потом лицо его вдруг приняло осмысленное выражение и он пробормотал:

– Аааа... да-да, конечно! – Встав со своего места, он шмыгнул носом и вежливо сказал: – Пожалуйста. Я к вашим услугам, присаживайтесь.

Честно скажу, что я был потрясен. Представляете? Я жду, что меня пошлют или посмеются, а тут вдруг такой прием, так все уважительно и спокойно... О! Я намотал это на ус.

К обеду я вполне сносно чувствовал себя в обращении с японской техникой. Остаток дня провел у себя в кабинете, наедине со своей айбизмкой.

На следующий день я позвонил Максиму по телефону и попросил, если есть такая возможность, дать мне на какое-то время дискету с информацией о структуре фирмы и основных направлениях ее деятельности. Макс тут же притащил мне дискету и сказал, что я могу оставить ее себе. Я и это намотал на ус. И принялся изучать информацию. Это занятие увлекло меня. Так что я, можно сказать, не заметил, как пролетело время до пятницы.

А в пятницу, во второй половине дня, я совершил, поддавшись необузданному порыву, ужасный проступок, который, по моему разумению, ни один начальник не простил бы даже лучшему своему работнику, не то что такому, как я.

Короче, я шарахнул секретаршу Дона. Думаю, вы представляете себе, кем для начальника является секретарша, если только она не засушенная вобла с универсальной памятью и ярко выраженными аналитическими способностями.

Секретарша у Дона, Мила, была просто лапочка.

По зимнему времени в офисе здорово топили, и я нарочно оставлял открытой дверь своего кабинета, чтобы полюбоваться, как она ходит туда-сюда в своей ажурной кофточке, состоящей преимущественно из черного кружева, сквозь которое виднелся лифчик, чудом не лопавшийся от упруго выпиравшего содержимого, и мини-юбке с разрезом, которая при вхождении аккуратной попы в контакт с жестким стулом за письменным столом задиралась так, что аж слезы на глаза наворачивались. Но это еще не все.

Она ходила по офису без чулок!!!

О-о-о!

Да, совсем без чулок ходила, демонстрируя великолепную бархатистую кожу нежно-персикового цвета – остатки летнего загара.

Мне с первого дня показалось, что я ей понравился. Но с дамами у меня очень туго. Трудно заставить себя подойти, как это делают многие парни, и этак развязно предложить куда-нибудь вместе прошвырнуться. А вдруг последует отказ? Я же умру от стыда!

Кроме того, как я полагал, секретарша – собственность шефа. Поэтому мне оставалось делать вид, что совершенно не интересуюсь Милкой. Однако не забывал каждое утро класть на ее стол шоколадку и при этом сухо осведомляться о делах и здоровье.

Так вот, в пятницу все пошло наперекосяк. Во второй половине дня, бездельничая у себя в кабинете, я прикидывал, как бы мне провести уик-энд. Наблюдал по обыкновению за секс-чудом без чулок и вдруг почувствовал, что умру, если сейчас же ее не трахну.

Это было как приступ. Я вспомнил, что уже давно не имел счастья обладать женщиной: в период запоя было не до того, а последнюю неделю, образно выражаясь, ловил отход-

няк. Да, были порывы, но довольно слабые, и они быстро гасились различными обстоятельствами.

И вот надо же! Пять дней во мне формировалось желание, порожденное близким присутствием Милки, и теперь приперло так, что все остальное исчезло и все мои чувства и стремления сконцентрировались в месте умопомрачительного изгиба бедра, обтянутого черной шелковой юбкой.

Когда к Дону вломился последний томившийся в приемной посетитель, Милка оттащила им кофе. Я расслышал, как шеф громко сказал ей, стоящей уже в дверях, что его нельзя будет беспокоить в течение получаса.

До меня это мгновенно дошло. Я поспешно вышел в приемную, перевесил наружу табличку с надписью «Совещание» и запер изнутри дверь.

Я обернулся, втянув голову в плечи. Больше всего в тот момент боялся, что Милка будет наблюдать за моими странными действиями и тогда я не смогу преодолеть восемь шагов от двери до ее желанного тела. Но она уже уселась за стол и начала писать, мурлыкая что-то и откидывая непослушную прядь мягких волос, спадавшую на глаза.

У меня еще никогда так не стучало сердце. Казалось, что оно вот-вот проломит грудь и вывалится. Анализируя позднее свое поведение, я вынужден был признать, что утверждение моего бывшего ротного «если х...й в голове, то медицина бессильна» очень справедливо.

Дальнейшее запечатлелось расплывчато. Был как в горячечном бреде. Помню отчетливо только изумленные глаза, когда я вытащил ее из-за стола и, не говоря ни слова, сгреб в охапку и залепил поцелуем сахарные уста. О, Господи, что это был за поцелуй! Я за 20 секунд высосал из нее всю жизненную силу и чуть не задушил в объятиях.

Когда я приостановился, чтобы передохнуть, она начала хватать ртом воздух, как будто вынырнула с большой глубины. Я повалил ее тут же, у стола. Она начала извиваться и, боясь, как бы не услышал и не вышел шеф, отчаянно кричала шепотом:

– Прекрати! Прекрати! Что ты делаешь!.. – И еще что-то в таком духе.

Не обращая на это никакого внимания, я опять присосался к ее губам и, постанывая от переполнявшего меня желания, быстро совершил трясущимися руками все необходимые манипуляции – задрал юбку, стащил трусики и, несмотря на отчаянное сопротивление, раздвинул ноги. После этого, поборовшись еще секунд пятнадцать, я буквально втер ее в ковер и стал активно двигаться, с огромным трудом подавляя рвущийся наружу вопль сладострастия.

В ходе скоротечного коитуса мы оба смотрели на дверь кабинета Дона. Мысль о том, что в любую секунду может появиться шеф, очевидно, приводила Милку в отчаяние, а для меня это обстоятельство было острой приправой к происходящему.

Было просто потрясающе! Но очень скоро кончилось. А потом – все как обычно в таких случаях: неловкое вставание с колен, смущенное отведение взгляда, неловкое же натягивание и застегивание штанов. И так далее...

Когда Милка немного привела себя в порядок, я взял ее руку и попытался запечатлеть на ладонке поцелуй, но она резко отстранилась и очень тихо, ненавидяще сказала:

– Ты просто животное. Самое настоящее животное! Ты даже ни разу не сказал, что я тебе нравлюсь. И сразу вот так...

По истечении установленного срока Дон спровадил своего последнего посетителя, и, задержавшись в приемной, очень внимательно посмотрел на Милку. Что-то ему явно не понравилось.

Затем он так же внимательно посмотрел на меня. Я притаился за столом в своем кабинете и через приоткрытую дверь наблюдал за дальнейшим развитием событий. Посмотрев на меня, Дон опять перевел взгляд на Милку и наконец, хмыкнув, бросил мне:

– Зайди.

Едва переступив порог кабинета, я встретился с шефом глазами и по каким-то едва уловимым флюидам, исходившим от него, понял, что Дон знает о том, что произошло в приемной. Впоследствии я приноровился к его почти сверхъестественной проницательности, но в тот раз, помнится, мне стало не по себе.

– Ты знаешь, что нормальные люди не пакостят там, где живут?

Я согласно кивнул два раза: комплекс вины подсказывал, что покорность – единственно правильный вариант поведения в данной ситуации.

– Хм... Покорно соглашаешься. Подтверждаешь тем самым, что виноват. – Дон поднялся из-за стола и потянулся, наблюдая за моей реакцией.

– Я согласен на увольнение. Не оправдал доверия, нанес страшный удар в спину...

Дон прервал длинный выдох и застыл с заведенными за голову руками, уставившись на меня. В течение трех последующих секунд выражение его глаз менялось от удивленно-сосредоточенного до насмешливо-презрительного и остановилось на внимательно-озабоченном, четко отразив ко всему прочему беспокойство по поводу моих умственных способностей.

– Сядь.

Он махнул рукой, указывая на одно из кресел для посетителей. Я послушно присел на краешек, не рискуя полностью погружаться в податливую комфортабельную ловушку.

– Возможно, ты еще молод и поэтому не понимаешь некоторых вещей, которые в зрелом возрасте кажутся элементарными... Я не сплю с этой девочкой. – Тут он большим пальцем указал через плечо на дверь. – Несмотря на то, что иногда очень хочется... Во-первых, каждый человек в моей фирме занят своим делом. На полную катушку занят. Я не могу позволить себе роскошь держать в приемной не делового человека, а куклу – обстоятельства не дают.

Дон говорил довольно спокойно, отчего мне было еще больше не по себе.

– Мила – отличная секретарша, что называется, Божьей милостью. Она держит в голове все связи и не склонна болтать. А еще она обладает несвойственным ее полу аналитическим мышлением и за три года совместной работы не раз выручала меня, потому что умеет укротить любого посетителя благодаря обаянию и такту. Ты думаешь, я плачу ей зарплату шести инженеров за сексапильность? Отнюдь, мой юный друг. В ней я ценю прежде всего профессионализм. А ты использовал ее для удовлетворения своей похоти, как обыкновенную девку, каких пруд пруди...

Тут Дон обличающе ткнул в мою сторону указательным пальцем и сделал паузу. Я неудобно сидел на краю кресла и чувствовал, что краснею. Очень сильно походила эта сцена на выволочку в учительской, устроенную педсоветом ученику, на которого возлагали большие надежды, а при ближайшем рассмотрении он оказался тупицей и бездельником.

– Вот так. – Дон заложил руки за спину и принялся ходить взад-вперед в моем тылу, так что мне пришлось вертеть головой, чтобы удерживать его в поле зрения. – И еще есть аспект, пожалуй, даже более значимый... Тебе на будущее. Никогда не мешай личное со служебным. Ни-ко-гда!!! Это понятно?! Никогда не сходишь близко со своей секретаршей, со своим деловым партнером, вообще с кем-либо, кто хоть как-то связан с тобой по работе. Иначе ты тут же автоматически попадаешь в зависимость от этого человека...

Шеф пристально посмотрел на меня. Я молчал, считая, что так лучше. Сидел и внимал.

– Ладно, хватит, я думаю. Со временем ты сам до всего дойдешь. А сейчас я хочу быть уверенным, что это больше не повторится. У тебя с нашей секретаршей. – Дон сделал ударение на том, что секретарша – наша, хотя меня ее деятельность касалась постольку-поскольку.

– Да, – подтвердил я.

– У вас должны быть сугубо официальные отношения. Это мое требование. Понятно?

– Понятно! – Я помотал головой в знак согласия и с облегчением встал, предполагая, что разнос окончен, и радуясь, что так легко отделался.

– Разнос окончен, – сообщил Дон. – Я тут немного тебя упустил: проблемы кое-какие навалились. Так вот, с завтрашнего дня ты будешь трудиться как вол.

– С завтрашнего? – Я удивился. – Завтра выходной. Насколько я понял, служащие фирмы работают пять дней в неделю...

– Ах, выходной! – перебил меня Дон. – Для тех, кто работал. А те, кто валял дурака в течение рабочей недели, пашут в выходные. Кроме того, не забывай, что ты – мой личный секретарь и можешь сколько угодно бить баклуши, но если я сказал: работать – то будь добр. С завтрашнего дня я буду периодически брать тебя с собой – куда понадобится. И потрудишься утром появиться вовремя. У себя на столе ты обнаружишь задание на день, которое до 17 часов необходимо выполнить. Все, что ты не успеешь сделать, автоматически прибавляется к заданию следующего дня, а оно будет на десять процентов больше. Понятно?

Я покачал головой, показывая, что проникся, и рискнул задать вопрос, который меня волновал:

– Это... ну, как сказать... с Милой как?

– Что с Милой? – не понял Дон.

– Ну, я хочу сказать, что, может, мне что-то надо сделать сейчас. У нее, наверно, сильная психическая травма... И вообще, – я вдруг выпалил то, чего говорить Дону в настоящий момент не собирался, – я не могу дать гарантий, что мои отношения с ней будут сугубо официальные. Потому что я ее люблю и буду всячески добиваться взаимности. Тем более после сегодняшнего случая...

– Стоп, парень. – Дон вдруг помрачнел. – А ты не интересовался, откуда я взял эту милую девушку в свою фирму?

– Нет, не интересовался. – Я пожал плечами. – Какое это имеет значение?

– Да уж имеет. – Внезапно голос Дона стал жестким, можно сказать, злым. – Мила – дочь моего приятеля, которого уже нет в живых. Когда ее отца прикончили во время разборки, мать не смогла прокормить двух детей – ее и младшего брата. Мила пошла на панель – содержала братишку и спившуюся через некоторое время мать. Четыре года назад я нашел ее в одном из притонов Баку. Почти год ушел на то, чтобы снять ее с иглы, вылечить в психическом плане и сделать из нее первоклассную секретаршу. Мамаша ее уже покоится на кладбище – умерла от белой горячки, а брат сидит за убийство... И она, конечно, прекрасная дама, тем более одинокая, с квартирой. Но почти восемь лет она была проституткой. Если у тебя такие серьезные намерения, подумай, сможешь ли забыть о тех сотнях мужиков, которые ею когда-то обладали!..

ГЛАВА 6

После чрезвычайного происшествия на ковре приемной ритм моего существования действительно изменился. Я бы сказал, что изменилась моя жизнь, но это будет неверно, поскольку, как учит старик Конфуций, жизнь человека – это движение от одной точки – начальной до другой – конечной. И каждый так или иначе этот путь проходит: один ускоренным шагом от привала к привалу, с привкусом крови во рту и потом в ложбинке между лопаток, может быть, с вещмешком товарища, получившего тепловой удар; другой – позади общей колонны в санитарной машине, с любопытством наблюдая за страданиями других, поскольку он умудрился до старта превратить потертость на ноге в инфицированную рану... Во как!!!

Так что изменился только ритм моего существования. Я, как и обещали, начал вкалывать. А Дон, так я понял, с интересом присматривался, оценивая степень моей работоспособности. В одном только мой шеф слегка просчитался. Или, может, будет лучше сказать – не учел одного фактора.

При всей своей гениальности и совершенстве он никогда не был военным. Дон закончил университет, был преподавателем, стал бизнесменом, но с военным делом никогда не сталкивался.

Чем отличается военный от штатского? Да ничем, скажете вы: руки, ноги, голова (утверждают, что с одной извилиной – от фуражки) – все одинаково... Все, да не все! Сейчас объясню.

На гражданке люди работают и получают за это деньги. У разных граждан – разная степень ответственности, различное положение согласно табели о рангах. Но всех их объединяет одно: они работают и получают за это деньги.

А в армии деньги платят не за работу! Это военная тайна, но, поскольку она не значится в реестре нулевого допуска, я ее раскрою. Военные получают: оклад по воинскому званию, оклад по должности, за выслугу лет и продпайковые. И коэффициенты. Про работу, заметьте, ничего не сказано. Вот так. В армии не работают. Там решают задачи.

Существуют такие аббревиатуры: СБД и СБЗ. СБД – служебно-боевая деятельность. Для непосвященных: это то, чем занимаются подразделения и части. А служебно-боевая деятельность состоит из решения СБЗ – служебно-боевых задач. Задачи бывают перспективные, текущие – повседневные – и внезапно возникающие.

Вот об этих внезапно возникающих задачах я бы мог рассказывать очень долго, но боюсь утомить вас такой тягомотиной, поскольку по объему это тянет на отдельную книгу. А если вкратце, происходит все следующим образом.

Обычная войсковая часть. Все идет по плану: боевая учеба, караулы, служба разного рода, досуг, воспитательная работа и так далее. Это организовать несложно, если имеются опыт и соответствующие условия.

Теперь представьте себе штаб округа с непомерно раздутыми штатами, кучей отделов и массой подполковников и полковников, гнездящихся в тесных, но уютных кабинетах, получающих те же деньги, что и линейные офицеры, и не желающих расставаться со своими насиженными местами.

Так вот, чтобы как-то оправдать наличие своей должности, показать ее необходимость и значимость, полистает какой-нибудь подполковник в перерыве между обедом и чаепитием «руководящие» документы, заглянет в казарму батальона обеспечения на минутку – оп-па!!! Пирамиды желтого цвета. А что-то больно яркий для казармы колер, больно яркий... Угу!

И пошло-поехало. В течение недели – испарина на лбу, задумчиво-сосредоточенный вид, обоснование на 64 листах через интервал и – проект приказа: пирамиды должны быть

шарового цвета (серые). И – к начальнику: трудимся! Вот и готово! Распоряжение за номером таким-то пошло в войска.

После чего в распорядке дня части появляется маленькая брешь. Командир части звонит командирам подразделений и полчаса ставит задачу. Те, оторвавшись, допустим, от заполнения книги службы, чешут затылки, выражая посредством широко распространенных слов узкоспециальной направленности свое отношение к тому, кто это распоряжение родил, в частности и ко всему управлению округом.

Потом, дочесав затылок, вызывают старшину, который бросает инструктируемый наряд, и командиров взводов, поскольку пирамиды закреплены за взводами. Следует подробный инструктаж относительно нововведения, затем старшина отправляется добывать краску, кисти и так далее, а командиры взводов, похерив занятия, организуют вытаскивание оружия из пирамид.

Так проходит полдня. Получить что-либо на войсковом складе очень проблематично: завскладом, он же неуловимый Джо, начальник КЭС, который эту краску выписывает, – личность чрезвычайно занятая. А зам по тылу, который накладывает визу на всю эту лабуду, вообще очень похож на легендарного Зорро – в жизнедеятельности части присутствуют одни его автографы, а самого мало кто видел...

Затем, после получения всего необходимого, людей опять же отрывают от службы, от занятий по распорядку дня и засаживают аврально красить пирамиды. Вот вам маленький пример того, как демонстрация одним подполковником из округа своей активности напрямую влияет на распорядок дня части. А таких подполковников в округе – человек 150, и все они должны отстаивать существование своих должностей...

Они и отстаивают. В составе комиссий, комплексных и целевых групп и по отдельности каждый с завидной продуктивностью рожают многочисленные распоряжения и приказы, которые логически преобразуются в эти самые внезапно возникающие задачи. И получается вечный аврал, сумятица, сплошные противоречия и ситуативные отклонения – одним словом, бардак.

И в этой приятной обстановочке надо выполнять боевые задачи, воспитывать людей, кормить, одевать, сохранить им жизнь и здоровье, поскольку на десять призванных молодых людей три-четыре – социопаты с ярко выраженными стремлениями к жесткому давлению различными способами на более слабых духом и телом, один-два – с устойчивыми суицидальными наклонностями, один-два – со склонностью к психопатии различного толка и только пара-тройка – более-менее, и то – среда, знаете ли, влияет...

Офицеры подразделений и частей живут в такой обстановке постоянно и привыкли – не обращают особого внимания. А вот посторонние люди, окунувшись лишь на краткий миг во все эти хитросплетения, буквально теряются и задают вполне, по их мнению, закономерные вопросы: «Да как же вы так живете, ребята? Как у вас крыша до сих пор в более или менее стабильном состоянии?!» – «Да вот так и живем. Гнездо у нас тут...»

Потому-то я и сказал, что Дон просчитался, поставив меня перед фактом внезапно свалившихся трудностей. Он, наверное, заранее испытывал удовольствие, собираясь наблюдать, как я буду барахтаться и, возможно, просить помощи или послабления. А я просто попал, что называется, в свою стихию и стал от этого радостен и счастлив.

Уже тремя днями ранее я изучил составляющие деятельности фирмы и теперь только обобщил данные. В моем распоряжении были материалы, записанные на дискете, которую мне принес Макс: где что находится, что производится, реализуется, приобретается, порядок прохождения вложенных в тот или иной филиал средств от момента внесения суммы на корреспондентский счет до момента получения продукции торговой точкой и так далее и тому подобное.

В самом начале своей коммерческой деятельности Дон, по всей видимости, – я могу судить из того, что узнал, – был честен и полон самых радужных надежд относительно своего дальнейшего будущего, как, впрочем, и многие другие начинающие делеги, сорванные ветром перемен с насиженных мест.

Насколько я знаю (он никогда сам не распространялся о начале своей деятельности, я располагаю только приблизительными данными, полученными от сотрудников фирмы), Дон довольно успешно стартовал, продав папашину «волгу» и еще что-то и вложив эти средства в небольшой кирпичный завод в пригороде.

Время было – сами понимаете, завод дал тройной оборот уже через полгода. Еще через год Дон стал президентом фирмы, которая занималась поставками сельскохозяйственной продукции на некоторые предприятия общественного питания и имела в собственности помимо двух животноводческих ферм хорошо налаженное рыбное хозяйство.

Каким образом удалось бывшему преподавателю истории в университете за такой сравнительно недолгий срок столь хорошо освоиться в рыночной сфере, убей меня Бог, не могу понять.

С течением времени, однако, оказалось, что дела обстоят не совсем гладко. Получалось, что прибыль фирмы после полного оборота капитала составляла весьма незначительную сумму – основная часть дохода уходила на оплату труда персоналу и рабочим и покрытие производственных затрат. Да еще помимо госналогов приходилось давать на лапу – и основательно давать всем подряд: милиции и санэпидемнадзору, пожарной инспекции и народному контролю, появившейся позже налоговой полиции и многочисленным комиссиям и ревизорам, а еще поить-кормить периодически набегавших лиц, от которых зависело процветание фирмы, и т. д.

А немного позже, подняв голову, зашевелился и встал в полный рост рэкет – спонтанный по тем временам, хаотичный и потому неуправляемый, не зажатый, как сейчас, в структуру производственных отношений синдиката.

Рэкет сделал фирму Дона практически убыточной. Несколько раз Дон сживал в подвале черт знает где (ожидая, когда его сотоварищи отстегнут установленную сумму, которую накануне выплатить отказались), был неоднократно сильно потоптан, и в конце концов все кафе и рестораны, бывшие до того надежными клиентами, вдруг разом отказались от его продукции. Это произошло после паузы, возникшей в результате отказа заплатить за «охрану» предприятия...

Много еще чего было. Как говорится, не даром отдано. Позже фирма Дона вошла в состав своеобразного синдиката или, если хотите, Корпорации, которая не имела своего устава и вообще формально не существовала. Корпорация образовалась вынужденно, по стечению обстоятельств, когда получилось, что на одной территории одновременно были вынуждены мирно существовать различные легальные, полуполигальные и нелегальные фирмы и группировки.

Такие образования имеются в каждом городе, в каждом административном центре, и в принципе их возникновение исторически обусловлено. Не будем вдаваться в подробности. Есть господа, которые получают за это дело хорошие деньги.

Итак, организация, которую возглавляет Дон, занимается поставками сельскохозяйственной продукции в пределах области (практически 90 процентов составляет переработка), а также координацией деятельности тех, кто производит, и тех, кто закупает эту самую сельскохозяйственную продукцию – на межрегиональном и межобластном уровнях.

Это выглядит так. Существует несколько самостоятельных фирм с полным производственным циклом от вскармливания, например, курицы до ее доставки в выпотрошенном виде на склад магазина. Эти фирмы объединены в одну большую с громким названием, которое можно услышать в ежедневных выпусках рекламы. Все это завязано на биржу, на

поставки стройматериалов, посредничество при оформлении торговых операций и так далее и тому подобное.

Вот говорят, идет реформа, да? И что же мы сейчас имеем? Хотя бы по нашему городу судить... Если вникать не особенно глубоко, можно сделать такой социальный расклад.

Просто граждане.

Ранее именовались совслужащими, рабочими и колхозниками-тружениками. Самый неимущий слой, который тем не менее тащит на своей широкой спине всех остальных.

Торгаши.

Ничего не производят, а живут за счет спекуляции: покупают в одном месте, везут в другое и там продают.

Мошенники.

Это каталы, наперсточники, жетонщики и так далее.

Игорный бизнес.

Катраны, казино, тотализатор (в нашем городе это скачки и неофициальные бои мастеров восточных и так далее единоборств). Есть даже нотариальная контора, где вы можете вполне официально заключить пари с кем угодно и на что угодно, при этом гарантируется полная тайна.

Сфера услуг.

Широко разветвленная сеть разнообразных домов свиданий, бюро добрых услуг, которые в любое время дня и ночи предоставят вам целый взвод девочек или мальчиков – только платите. На этом поприще появилась довольно молодая поросль кидал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.